

ЛОРЕН Э. РИКО

18+

!

Familia

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ, ДВЕ ПРАВДЫ,
ОДНА ТАЙНА

РИПОЛ КЛАССИК

Лорен Э. Рико

**Familia. Две женщины,
две правды, одна тайна**

«РИПОЛ Классик»

2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

Рико Л.

Familia. Две женщины, две правды, одна тайна / Л. Рико —
«РИПОЛ Классик», 2024

ISBN 978-5-386-15546-9

Кто ты, если твоя жизнь – ложь? Результат генетического теста становится началом кошмара Гэбби. Незнакомка с другого конца света утверждает, что она – ее сестра, пропавшая 25 лет назад. Чтобы докопаться до правды, Гэбби придется отправиться в Пуэрто-Рико и погрузиться в мрачное прошлое, где переплелись боль, предательство и тайна похищения ребенка. Но чем ближе она к разгадке, тем страшнее становится правда о ее собственной семье.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-15546-9

© Рико Л., 2024
© РИПОЛ Классик, 2024

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	51
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лорен Э. Рико
Familia: Две женщины,
две правды, одна тайна

Посвящаю Майку и Крусите, душе и сердцу нашей семьи

Перевод с английского Елены Татищевой

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© 2024 by Lauren E Rico

© J. Farley Photography, фотография на обложке, 2024

© Татищева Е. С., перевод на русский язык, 2024

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

Пролог Альберто

Тот день

Альберто никогда не понимал, почему люди боятся темноты. С тех самых пор, когда он был маленьким мальчиком, он радовался наступлению крошечной тьмы как приходу старого друга. Независимо от того, приходила ли темнота сама, как в конце дня, либо он призывал ее с помощью сна, выпивки или наркотиков, она всегда принимала его в свои объятия и погружала в черное шелковистое забытие. Она давала ему защиту – пусть даже всего лишь на несколько часов, – защиту от той жестокой реальности, которую неумолимо обнажало взошедшее солнце.

Нет, Альберто не боялся темноты, зато свет пугал его до усрачки. А сейчас они оба, похоже, сражались за контроль над его телом. Дневной свет словно ненадолго вынес его на поверхность – ровно настолько, чтобы он осознал боль. Но затем его мысли обвинили шупальца чернильно-черного беспамятства, снова затянув его в глубокое забытие. Затем, через какое-то время, что-то заставило его вынырнуть обратно на поверхность. Что-то важное. Что-то близкое, что находилось прямо перед ним, но ему было нелегко вырваться из блаженной безопасности мрака. Однако дневной свет тянул его за собой, вытягивал все дальше и дальше из царящей внутри его тьмы наверх, на поверхность. И чем ближе, тем это было больнее.

С каждым морганием, с каждым вдохом, с каждым едва заметным движением его мышцы пронзала жгучая боль, и он осознавал, что что-то врезается в его лицо. Камешки? До него вдруг дошло, что он, должно быть, лежит ничком на улице. Этой мысли хватило, чтобы заставить его открыть глаза, в которые сразу же больно ударил свет рассветного солнца. Он тотчас закрыл их опять, но это уже не имело значения. Красное свечение проникало сквозь тонкую нежную плоть его век, высвечивая крошечные кровеносные сосуды, так что перед глазами плавали темные точки. Стало быть, сегодня ему больше не удастся спрятаться в черном забытии.

Альберто понадобилось несколько долгих минут, прежде чем его сознание и его тело в достаточной мере скоординировали свои усилия, чтобы полностью вернуть его в настоящее и чтобы он понял, где находится. Он лежал на решетке ливневого стока, и его левая щека была прижата к глубокой трещине в асфальте.

– *Mierda*¹, – пробормотал он. И встал на четвереньки, морщась и стеля от боли в спазмированных мышцах. – Ну все, все, все.

Он медленно поднял руку, чтобы смахнуть мелкие камушки, пристающие к щеке. И едва подумал, что избавился от них, тут же ощутил на своей ладони что-то теплое, мокрое и липкое – что-то, что могло быть только кровью.

Альберто тотчас насторожился еще больше. Он что, упал и разбил голову? Или его сбила машина? Если бы не тот факт, что все его конечности, похоже, были невредимы, он мог бы поклясться, что его сбил поезд, – так сильна была боль.

Едва он сел на корточки, как кровь потекла еще обильнее – целый ручеек, сбегаящий по лицу откуда-то с волосистой части головы. Крупные темно-красные капли падали на асфальт, сливаясь с черной как смола поверхностью. Альберто сделал глубокий вдох и, призвав на помощь все свои силы, встал и выпрямился во весь свой рост – пять футов и десять дюймов². Вокруг него теснились задние части домов, выпцветших и побитых непогодой.

¹ Досл.: дерьмо (*исп.*), в контексте означает «черт». – Здесь и далее прим. пер.

² 177, 8 см.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, где он находится, – в конце переулка за дешевым баром, где он был завсегдатаем: «Эль Гальо рохо»³ в самом сердце *Ла Перлы*⁴. По сравнению со Старым городом с его мощенными булыжником улицами и колоритными магазинчиками, до которого отсюда было рукой подать, Ла Перла казалась захолустьем – опасный темный район, которого туристам, когда они сходили со своих шикарных круизных лайнеров, советовали избегать. Но они все равно заглядывали, особенно те из них, кто хотел привезти домой нечто «особенное». То, чего не найти в сувенирных магазинах, но что легко было раздобыть в глухих переулках Ла Перлы, если ты готов заплатить соответствующую цену. Например, в таком переулке, как этот.

Альберто снял с себя грязную, пропитанную потом футболку и прижал к ране на голове, чтобы остановить кровь. И попытался мысленно восстановить цепь событий, которая привела его сюда. Он выпил – крепко выпил. Он вообще крепко пил с тех пор, как Росарио умерла семь месяцев назад. Это было единственное, что помогало ему как-то прожить очередной день. Это и еще «кое-что особенное», когда становилось совсем уж неважно.

Он поднапрягся и вспомнил, как стоял перед барной стойкой, разговаривая с Беатрис. Ей он отдал последнюю оставшуюся в его кармане купюру, чтобы заплатить за пиво – еще за одну порцию... Он думал о том, что ему нужно выбраться из дома – из тесного бетонного домишки, покрашенного выцветшей голубой краской. Когда-то он пообещал Росарио, что покрасит его в голубой цвет – ее любимый. И покрасил, чтобы порадовать ее, после того как родилась Исабельита. Они были счастливы в этом доме – до той самой ночи, когда родилась их вторая дочь. До той ночи, когда все пошло не так – ужасно, возмутительно не так. До той ночи, когда он, Альберто, стал вдовцом с пятилетней малышкой и новорожденным младенцем на руках. Со своими девочками. Со своей Исабельитой и своей Марианой...

Когда в мозгу, затуманенном алкоголем и горем, прозвучало имя младшей дочери, его словно пронзил электрический разряд. Он был не готов к этому внезапному всепоглощающему чувству, к тому, что все связи между его нейронами пробудятся одновременно, и ему пришлось схватиться за ствол ближайшей пальмы, чтобы снова не упасть.

– Мариана, – прошептал он, когда его память захватили образы ребенка.

Он катил ее по улице в прогулочной коляске, зашел в бар, чтобы показать Беатрис, как выросла дочка, и согласился выпить еще кружечку «за счет заведения». Но, разумеется, одного пива ему всегда было недостаточно, разве не так? И что-то произошло... кто-то избил его до потери сознания из-за... из-за чего? Он не мог этого вспомнить.

Но куда подевалась Мариана?

Альберто почувствовал, как к горлу подступает жгучая желчь. Окинул взором место, где только что лежал, и посмотрел по сторонам, почти боясь того, что может увидеть. Но прогулочной коляски нигде не было. И его ребенка тоже.

– *Por favor, Padre querido...* – пробормотал он, увидев что-то розовое в нескольких шагах от себя. – Пожалуйста, Господи...

Он не обращал внимания на острую боль, пронзавшую его при каждом шаге, полном ужаса, пока не остановился, глядя на то, что лежало на земле.

Альберто Руис упал на колени, прижав к груди один крохотный розовый носочек, и, подняв глаза к небу, закричал от страха и ярости, взывая к Богу. Но, как всегда, не получил ответа.

Он не помнил, что сделал.

Но что бы это ни было, это стоило ему его ребенка.

³ *El Gallo Rojo* – «Красный петух» (исп.).

⁴ *La Perla* – Жемчужина (исп.), название беднейшего района города Сан-Хуана, Пуэрто-Рико.

Глава 1

Гэбби

Наши дни

Существует ошибочное представление о том, что истина – изменчивая вещь, что она трансформируется и меняется в зависимости от окружающих ее обстоятельств. Но это не так. Истина – *настоящая* истина – так же непоколебима, как гора. Забудьте об «альтернативных фактах» или «субъективно воспринимаемой реальности». Истина – это *истина*, и никакое переписывание и редактирование, никакая наглая ложь, никакой плутовской вынос мозга не сможет этого изменить. Как когда-то написал Шекспир, «в конце концов правда выйдет наружу»⁵. Это всего-навсего вопрос времени. И моя работа заключается в том, чтобы она «вышла наружу» раньше, а не позже.

– Как продвигается твоя работа по выявлению плагиата, Гэбби?

При звуке моего имени я отрываю взгляд от блокнота, лежащего у меня на коленях, в котором то делаю заметки, то, замечтавшись, машинально рисую чертиков. Выпрямляюсь на стуле – одном из тех, что стоят вдоль стен конференц-зала и служат дополнением к столу «для взрослых», за которым сидят редакторы, пишущая братия, фотографы и дизайнеры. Они здесь главные, а мы, простые смертные, находимся на периферии утренней планерки в редакции журнала «Флюкс».

Прочищаю горло и отвечаю Максу, нашему суперсексуальному и супербританскому главному редактору:

– Э-э-э... все путем. Проверила все процитированные Лисой источники и прочла относящиеся к делу книги – книгу Джейка Финнегана, а также те три, в плагиате из которых его обвиняют. Так что сейчас я просматриваю его предыдущие работы – хочу понять, является ли это единичным случаем или все это время он писал «франкенкниги» и до сих пор никто этого не замечал.

Все хихикают, кроме Лисы Малберри, автора статьи, о которой идет речь. Она морщит свой прелестный вздернутый носик.

– «Франкенкниги»? – повторяет она.

– Ну, как это было с Франкенштейном. – Она непонимающе смотрит на меня, и я поясняю: – С тем ученым, который создал из мертвых тел чудовище...

– Я знаю, кто такой Франкенштейн, – раздраженно перебивает Лиса. – И хочу спросить о другом – кто просил тебя копаться в его предыдущих книгах? Если бы я захотела, чтобы ты это сделала, я бы тебе так и сказала.

Несмотря на то что мы с ней работаем вместе уже три года, она, похоже, все еще воображает, будто я стажерка, которая должна ее обслуживать. Но это не так. Я специалист по проверке фактов, иными словами, моя работа заключается в том, чтобы прикрывать коллективную задницу нашего журнала, верифицируя всю информацию, содержащуюся в статьях таких примадонн, как Лиса Малберри, дабы убедиться, что все факты достоверны и могут быть немедленно подтверждены. И да, я могу быть занозой в заднице – вечно хожу по пятам за авторами, расспрашивая о деталях, касающихся имен, дат и мест, – но они все обожают меня, когда мне удастся представить доказательства, необходимые для того, чтобы на них не подали в суд.

Делаю вдох и стараюсь быть любезной, надеясь, что она поймет намек и в свою очередь будет сдержанной.

⁵ У. Шекспир. Венецианский купец, акт 2, сцена 2. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

– Лиса, я просто говорю, что все не так однозначно, как можно было бы подумать. Обвинение очень серьезно. Мы можем уничтожить репутацию человека. Разрушить его карьеру. Поэтому я и хочу быть уверена, что то, что мы печатаем, соответствует действительности на все сто.

– Ты имеешь в виду *меня*? Ты хочешь удостовериться, что действительности соответствует то, что написала *я*? – яростно обрушивается на меня Лиса. – Ты что, действительно считаешь, что я сама не подвергла свою статью самой тщательной проверке?

Вот вам и любезность, вот вам и профессионализм.

В разговор со своего места во главе стола снова вступает Макс, и его атака сразу с двух флангов – с одной стороны, неотразимо-шикарный британский акцент, с другой – взор зелено-карих глаз, проникающих в самую душу, – одним махом приглаживает взъерошенные перышки Лисы. Не говоря уже об убажании ее непомерно раздутого эго.

– О, полно, Лиса, ты же знаешь, что Гэбби говорила не об этом, – примиряющим тоном мурлычет он. – Она здесь, чтобы защитить тебя.

На самом деле я здесь, чтобы обезопасить «Флюкс». А тот факт, что при этом заодно будет прикрыта и задница Лисы, – это уж чистая случайность. Вот если бы эту статью писала я... но, конечно же, пишу ее не я. Вообще-то я ни разу не выступила в роли автора статьи, и моя коллега с удовольствием указывает мне на это при каждом удобном случае.

Явно очарованная непринужденной мальчишеской улыбкой Макса, Лиса кивает в знак согласия.

Черт возьми, этот парень знает, как с выгодой использовать свою сексуальность! Должно быть, это какая-то британская черта, потому что я не могу припомнить ни одного американца, который мог бы стереть с твоего лица хмурое выражение быстрее, чем этот уроженец графства Суррей, – Максвелл Тэйлор-Дэвис.

– Хорошо, тогда давайте продолжим, лады? – спрашивает Лиса и, не дожидаясь ответа, продолжает: – Я рада сообщить, что наши генетические профили, ставшие результатом работы компании «ГенТим», теперь доступны онлайн. Келли отправит каждому из вас логин и временный пароль. Если вы принимали участие в этом деле, пожалуйста, найдите время на этой неделе, чтобы просмотреть результаты и составить краткую сводку полученных данных. Я бы хотела, чтобы этот сюжет был опубликован в ближайшие неделю-другую...

– А на чем в этой публикации будет сделан акцент? – спрашивает Рэнди Гринблатт, еще один из наших штатных авторов. Он намного более талантлив и гораздо реже выводит людей из себя, чем Лиса.

Макс пожимает плечами и загадочно вскидывает бровь.

– Это еще не до конца понятно. Мы слышали тысячи историй о семьях, которые воссоединялись или же распадались по результатам генеалогического тестирования. У меня есть предчувствие, что нам, возможно, удастся обнаружить что-то интересное и здесь, среди наших сотрудников. Мне бы очень хотелось, чтобы мы смогли написать об этом очерк на основе информации, полученной из первых рук. Возможно, у нас тоже есть небольшой генетический «скелет в шкафу». – Он делает паузу. – Мы также могли бы сравнить работу различных сервисов, создав из сотрудников журнала небольшую тестируемую группу. Разумеется, с разрешения каждого из них.

Это довольно обычная практика для Макса: он вбил себе в голову, что вокруг полно неожиданных сюжетов, которые только и ждут, чтобы их раскопали. С тех пор как он явился к нам девять месяцев назад, сразу после того, как поработал в одном из лондонских таблоидов, он неустанно экспериментирует. Например, призывал добровольцев наносить визиты экстрасенсам или посещать семинары самых известных гуру в области самопомощи и самосовершенствования, а три месяца назад предложил всем желающим плюнуть в маленькую пластмассо-

вую пробиру, чтобы выяснить, не приходится ли кто-то из нас родней королеве Елизавете... или, что было бы еще лучше, Меган Маркл.

Обычно я не откликаюсь на эти факультативные эксперименты, но после того, как в прошлом году умер мой отец, я обнаружила, что мне недостает родственных связей. Единственный ребенок родителей, которые в своих семьях также были единственными детьми, я росла, не имея ни тетюшек, ни дядюшек, ни кузенов с кузинами, – что было бы вполне терпимо, имейся у меня компания близких друзей. Но у меня ее нет. Конечно, у меня есть несколько подруг, с которыми я время от времени встречаюсь, чтобы вместе выпить, или пообедать, или сходить в кино, но дело в том, что мы с моими родителями были очень сплоченной и обособленной командой – только мы трое и больше никого. Ни родственников, ни близких друзей семьи. Всегда были только... мы. И мне это нравилось. Но теперь осталась только я – я одна. Так может, с помощью ДНК мне удастся разыскать хоть какую-то родню – какую-нибудь троюродную сестру или брата, какую-нибудь двоюродную бабушку, о которых я ничего не знаю.

– На этом все, друзья, – говорит Макс и, захлопнув свой ноутбук, выдает стандартное благословение, которое всегда произносит в конце планерки: – А теперь идите и вовлекайте массы!

Я не уйду под предлогом того, что мне надо что-то отыскать в моей сумке. Перерываю ее содержимое несколько раз, пока большинство сотрудников не расходятся. Затем подхожу к моему боссу, который с недовольным видом смотрит на что-то в своем телефоне. Через несколько секунд он поднимает взгляд на меня и улыбается.

– Отличная работа, Гэбби. Мне нравится, что ты делаешь все возможное и невозможное, чтобы в наших публикациях все было точно и комар носа не подточил.

Я подавляю желание растаять и растечься лужей на полу. Но то, что я хочу сказать, слишком важно, чтобы беспомощно застыть в цепком луче его обаяния.

– Спасибо, Макс. Я признательна тебе за твою высокую оценку. Я просто... я хотела спросить, не подумал ли ты еще над тем предложением, которое я отправила тебе на прошлой неделе.

Вижу, как на долю секунды на его лицо набегает облачко. Он не думал о моем предложении. Он даже не помнит его.

– Э-э-э... предложение опубликовать очерк о крошечном городке в Миннесоте, – напоминаю я. – Том, где все кошки одеты в свитеры. И где живет чудаковатая дама с ее паранормальными пирогами...

Теперь в глазах Макса мелькает искра узнавания.

– Да-да, верно. Как он называется? Мэйпоул?⁶ Мэйберри?⁷ Мэйтэг?⁸

– Мэйхем⁹, – поправляю я. – Мэйхем, Миннесота. Я подумала, что рассказ о нем мог бы стать первым в долгосрочной серии очерков о самых странных городках Америки.

Он кивает. Возможно, я ошиблась. Возможно, он все-таки рассмотрел мое предложение... но затем был слишком занят другими проектами. Возможно...

– Да-да, конечно. Мэйхем, Миннесота, – повторяет он. – Буду с тобой откровенным, Гэбби, но следующие несколько месяцев все по большому счету будут заняты выполнением уже имеющихся заданий. Вряд ли в настоящее время я смогу высвободить кого-нибудь из наших авторов, чтобы он или она занялись написанием серии подобных очерков. Но, возможно, после Нового года...

⁶ *Maypole* – майское дерево (англ.).

⁷ *Mayberry* – майская ягода (англ.).

⁸ *Maytag* – название известной американской компании по производству бытовой техники.

⁹ *Mayhem* – неразбериха, кавардак (англ.).

– Это могла бы сделать я, – перебиваю его чуть быстрее, чем следовало. – То есть мне бы хотелось попробовать написать эту серию очерков самой, – озвучиваю то, что и так предельно ясно изложила в своем основательно подготовленном, продуманном до последней точки предложении, которое отправила ему.

– Да-да, понимаю, – отвечает он. – Вообще-то дело вот в чем, Гэбби. Не сомневаюсь, ты бы написала все отлично, но в данный момент ты представляешь для нас слишком большую ценность в качестве специалиста по проверке фактов. – Он поднимается, обходит свой стол, садится на край и подается ко мне, одновременно понизив голос, будто собираясь поведать свои самые сокровенные тайны. – Честное слово, ты лучшая из тех, с кем я когда-либо работал. И, если вдуматься, твоя работа делает тебя важной частью *каждого* материала, которые мы публикуем. Пусть там и нет твоего имени, но без твоего участия ни один материал не имел бы ни единого шанса быть поставленным в номер.

Пристально смотрю на него, твердо решив не произносить ни слова. В каждой статье о ведении переговоров, которую я читала, включая несколько напечатанных в нашем собственном журнале, говорится, что неловкие паузы в разговоре пусть лучше заполняет вторая сторона. Если я сейчас поспешу, то позволю ему сорваться с крючка. А я этого не хочу. Только не в этот раз. Мне нужно получить возможность доказать, что я нечто большее, чем девушка, которая подтверждает, что в том или ином материале надо писать «Мэри», а не «Мари» и что в другом материале в имени «Сара» в самом деле одно «р». Но сдается мне, Макс тоже читал эти статьи, поскольку он улыбается мне, готовый тянуть время в надежде, что я сдамся раньше.

В итоге наше молчаливое противостояние прерывает его помощница Келли.

– Макс? Тебя просят подойти наверх, – сообщает она, просунув голову между дверью и косяком. – О, извини. Я не хотела прерывать вашу беседу...

Босс вскидывает ладонь, глядя на меня все с той же доброжелательной улыбкой.

– Ничего, Келли, все путем, спасибо. Я сейчас поднимусь.

Когда Келли уходит, Макс пристально смотрит на меня.

– Все в порядке?

– Да... Я просто... Я чувствую, что готова сделать следующий шаг, Макс.

– Послушай, я посмотрю, удастся ли мне добиться для тебя повышения зарплаты. Видит бог, ты это заслужила, ты стоишь каждого цента, который платит тебе наш журнал, – говорит он с ободряющей улыбкой, затем смотрит на часы. – Слушай, мне действительно надо идти. У тебя все? Ты ничего не хочешь добавить?

Я качаю головой, понимая, что потерпела поражение. Опять.

Макс встает и направляется к выходу из конференц-зала. У двери он останавливается и быстро оборачивается.

– Да, кстати, не забудь посмотреть результаты твоего генетического тестирования – ведь никогда не знаешь, что может скрываться в истории твоей семьи.

Что ж, разговор прошел совсем не так, как я планировала. Я получу повышение зарплаты, в чем не нуждаюсь, за выполнение работы, которая мне не по душе. Нет, я не богачка, до этого мне далеко, но мои родители, безусловно, оставили меня в финансовом положении, которому можно только позавидовать: мне нет нужды беспокоиться о том, с какой суммой придет мой следующий зарплатный чек и откуда он придет. Вообще-то я хочу, чтобы он пришел именно отсюда, – но мне хочется получить его не за проверку фактов в чужой статье, а за свою собственную статью.

Собираю свои вещи и иду в свой закуток в офисе, пытаюсь не показать, как я подавлена, – что очень и очень нелегко.

* * *

После того как я возвращаюсь в свою квартиру в Бруклине – она находится на третьем этаже престижного дома из красно-коричневого песчаника, – мне требуется несколько часов и пара бокалов шардоне, чтобы наконец собраться с духом, открыть ноутбук и просмотреть результаты моего генетического тестирования.

– Пора тебе встретиться с родственниками, Гэбби... – бормочу я, набирая сложную комбинацию из букв, цифр и других знаков, которую мне прислали в качестве логина.

Открывается стартовая страница, предлагающая «отправиться в путешествие» по результатам исследования моей ДНК. Я отказываюсь, решив, что сумею найти то, что ищу, без особых указаний. Пропускаю ярко раскрашенную карту мира, показывающую, откуда происходят мои предки, – я и так знаю, что они откуда-то из Средиземноморья, а детали можно выяснить и позднее. Все, что мне нужно, – просмотреть раздел, озаглавленный «Родственники». Мне сразу же предлагается установить несколько флажков, позволяющих отображать мои совпадения. Само собой, я понимаю, что это, скорее всего, ни к чему не приведет. Чтобы увидеть совпадения, нужно, чтобы кто-то, пусть даже из самой дальней родни, прошел через такую же процедуру, и не где-нибудь, а в этой компании, и тоже отметил флажками окна, которые позволят нам увидеть информацию о генетическом профиле друг друга. Шансы на это...

Но прежде чем я успеваю додумать эту мысль до конца, страница заполняется тщательно проработанным изображением генеалогического древа с фотографиями примерно десятка членов семьи.

– Какого чер...

Ставлю бокал с вином на журнальный столик и начинаю разглядывать незнакомые мне лица, под которыми написаны неизвестные мне имена. Кто эти люди, черт возьми? Должно быть, какая-то ошибка.

Возвращаюсь к карте и натываюсь на круговую диаграмму, показывающую мою этническую принадлежность, – она напоминает разрезанный на ломтики яблочный пирог с шариками мороженого.

64% – европейские гены

21% – африканские гены

15% – гены индейцев таино

Усиленно моргаю, как будто это может каким-то образом прояснить мое зрение и изменить результаты. Но нет, ничего не меняется. Индейцы таино? Вроде бы это имеет какое-то отношение к островам Карибского моря? Куба, Доминиканская Республика. Ямайка...

– Тьфу. Этого еще не хватало, – бормочу я, делаю скриншот и отправляю на телефон моей лучшей подруги Фрэнни, которая живет на Западном побережье.

Пять секунд спустя поступает видеозвонок по *FaceTime*.

– На что именно я тут смотрю? – спрашивает Фрэнни, сдвинув светлые брови над зелеными глазами. Отмечаю, что у ее глаз такой же оттенок, как у хирургического костюма, в которой она одета.

– О, черт, прости – не знала, что ты на работе! Ты могла бы перезвонить мне позже...

– Дорогая, нет никакого «позже». Я *всегда* на работе, – невозмутимо сообщает она. – Я же врач-интерн. Мне так положено. А теперь скажи мне, на что я смотрю?

– Якобы это состав моих генов.

– Чушь собачья! – заявляет подруга с недоверчивым смехом, словно я разыгрываю ее.

– Клянусь тебе – именно это я получила от «ГенТим».

– Ты серьезно? Похоже, кто-то в лаборатории мучился похмельем, когда исследовал образец твоей ДНК. Послушай, ты уверена, что не отправила образец в лабораторию, изучающую ДНК собак?

– Ты что, видишь на этой диаграмме слово «терьер»?

– Ну, ты не похожа на терьера. С твоими темными кудрями ты больше напоминаешь черного пуделя.

– И что с того?

– Ну да, извини. Скорее всего, просто ошибка, Гэбби. Допустим, в твой образец попала ДНК другого человека.

– А что, такое бывает? – с надеждой спрашиваю я.

– Понятия не имею, – отвечает подруга, пожав плечами. – Спроси об этом у врача.

– Но ты же сама врач, – замечаю я.

– Ага, врач отделения неотложной помощи, а не генетик. Например, тебе понадобится узнать, как извлечь цукини, застрявший в твоём влагалище. Вот тогда, позвонив мне, ты обратишься по адресу. Или на прошлой неделе у нас был один парень с...

– Ой, прошу тебя, не надо! – перебиваю я, прежде чем услышу подробный рассказ о том, что именно и как именно ей пришлось вытаскивать из очередного отверстия в человеческом теле.

– Извини, извини! Но если подумать, что тут такого особенного? Позвони в службу поддержки клиентов и попроси их прислать тебе набор для повторного взятия образца ДНК.

– Все не так-то просто, – начинаю я. – Это было рабочее задание, и результаты моего генетического тестирования – даже если они ложны – составят часть того сюжета, информацию по которому наш журнал сейчас собирает.

Фрэнни картинно хлопает себя по лбу.

– О! Ну конечно! Как я могла забыть? Ты сделала это ради своего босса. Ради этого красавчика с британским акцентом. Как бишь его зовут? Маршалл? Митчел?

– Максвелл, – отвечаю я. – И ты сама отлично это знаешь. Максвелл. Макс.

– Ах, да-да, Маааакс, – говорит она, растягивая имя. – Теперь я припоминаю. Это тот самый малый, который отказывается дать тебе возможность написать свой собственный материал.

Мне, конечно, не следовало рассказывать ей о моих огорчениях, связанных с работой. Теперь она вцепилась в них как собака в кость.

– У нас известный журнал, и планка очень высокая. Уверена, он даст мне знать, когда решит, что я готова.

– А я в этом не уверена. Серьезно, Гэбби, когда ты наконец поумнееешь? У тебя столько талантов, а ты сидишь и терпеливо ждешь, когда тебе что-то обломится. Но так дела не делаются. В этом мире преуспевают те, кто активно добиваются того, чего хотят. Именно так Лиса и я с ней идём к успеху – просто шагают по головам людей вроде тебя, слишком вежливых, чтобы напомнить о себе.

– Но нельзя же сказать, что у меня ужасная работа, – замечаю я. – Множество людей были бы готовы совершить убийство, чтобы получить мою работу.

Лучшая подруга фыркает мне в ответ из своего Тихоокеанского пояса.

– Никто еще никогда не говорил: «Я хочу быть специалистом по проверке фактов, когда вырасту»! Никогда в истории. Это я так, к слову.

– Хорошо, хорошо, я ценю твое участие, но...

– В чем дело? – спрашивает Фрэнни, когда я вдруг замолкаю с раскрытым ртом.

Она может видеть, что я уставилась на свой ноутбук, но ей не видно, на что именно я смотрю. Внезапно я чувствую, что мне очень хочется, чтобы она была со мной в этой комнате и помогла разобраться со всем этим.

– Э-э-э... Мне только что поступило уведомление от «ГенТим». В нем говорится, что у меня есть совпадение по ДНК.

– Как, уже? Что именно там сказано? Кто тот человек, с которым у тебя общие гены?

– погоди, погоди, – бормочу я, подводя курсор и кликнув по присланному мне профилю. – Э-э-э, она очень хорошенькая – длинные темные волосы, темные глаза, наверное, примерно нашего возраста. Ее зовут Исабель Руис, и здесь говорится, что ее ДНК на пятьдесят процентов совпадает с моей.

После того как я зачитываю отчет вслух, некоторое время мы обе молчим. Наконец я задаю Фрэнни тот вопрос, который вытеснил из моего сознания все остальное:

– Разве это не делает ее...

– Твоей полнородной сестрой? Да, так оно и есть, – говорит Фрэнни с таким же недоумением в голосе, какое испытываю сейчас я сама.

– Понятно, это просто... Все зашло чересчур далеко. Сначала этот неверный состав моих генов по этнической принадлежности, а теперь они хотят, чтобы я поверила, будто у меня есть *сестра*, о которой я ничего не знаю? Как такое вообще может быть? У моих родителей что, родился ребенок, когда я смотрела в другую сторону, и они отдали ее на удочерение или что-то в этом роде? Нет, это просто...

Я замолкаю, когда вижу, что на экране моего ноута появляется еще одно уведомление.

– Что там? – спрашивает Фрэнни с расстояния в три тысячи миль.

– Она только что прислала мне сообщение.

– Кто?

– Исабель Руис. Она прислала мне сообщение – прямо сию секунду.

Я снова замолкаю, потому что могу делать только одно – пялиться на экран, растерявшись от высветившихся на нем слов, и пялюсь, пока не слышу в телефоне голос подруги:

– Гэбби?

Снова переключаю внимание на Фрэнни, которая смотрит на меня с таким же беспокойством, какое звучит сейчас в ее голосе.

– Это сообщение... Она пишет: «*Я думаю, что ты моя сестра*».

– погоди, что? Но это безумие! Должно быть, она чокнутая. Если она вообще реальная женщина. Готова поспорить, это какой-то старый извращенец, ищущий киберсекса...

Я качаю головой:

– Нет, тут все проверено. Ты не можешь просто послать кому-то сообщение. Чтобы сделать это, надо иметь совпадение по ДНК.

– Черт, – тихо говорит она. – Что это значит, черт возьми?

– Не знаю, – шепчу я.

И это чистая правда.

Глава 2

Исабель

Наши дни

Я обновляю свои сообщения. Затем делаю это опять. И опять. И опять.

– Если смотреть на котелок, он никогда не закипит, – слышится сонный голос рядом со мной.

– Лучше сказать, что, когда ты с нетерпением ждешь электронное письмо, оно никогда не придет, – поправляю я Матео, взглянув на него. – Я не мешаю тебе спать со своим телефоном?

– Нет.

Словно чтобы доказать это, он начинает храпеть уже несколько секунд спустя.

Тяжело вздохнув, я снова поворачиваюсь к экрану, на который смотрю уже несколько часов. Я жду ответа, который может так никогда и не прийти. Но это уже не в первый раз, и это никогда не останавливало меня прежде. Я гонюсь за призраками, сколько себя помню. Вернее, за одним призраком. За призраком моей младшей сестры, которую почти не помню. Если честно, я даже не уверена, что на самом деле помню ее.

Я никогда не говорила об этом Матео, но иногда я думаю, что ее смутные образы в моей памяти – это собирательное представление, составленное из немногочисленных фотографий, которые я видела, и обрывков рассказов, которые слышала на протяжении многих лет. Фотографии и рассказы о маленькой девочке с шелковистыми темными кудряшками и глазами цвета Карибского моря. Я уверена, что действительно помню эти глаза, потому что они приводили меня в восторг – такие яркие на фоне ее золотистой кожи. Совсем как глаза моей матери. *Нашей* матери. Моей и Марианы.

Раньше я искала ее везде, где бы ни оказалась, – в каждом городе, через который я проезжала, в каждой школе, которую я посещала. В каждой церкви, в которую меня затаскивали силком, на каждой уличной ярмарке, на каждом пляже. Я внимательно всматривалась в каждую девочку, которой было столько же лет, сколько в то время должно было быть Мариане. В нулевом классе начальной школы, во втором классе, в промежуточной школе, в старшей школе... я никогда не переставала ее искать, хотя с годами стала немного менее одержимой этими поисками – и ею. Не потому, что я забыла о ней, а потому, что со мной случилась жизнь.

У нас было крошечное обшарпанное бунгало в центре Сантурсе – ныне этот район стал приютом хипстеров, у которых денег куры не клюют, но, когда я росла, он являл собою убежище для проституток, наркодилеров и угонщиков машин. Как и в любом другом доме в нашем районе, каждое окно нашего бунгало забрано решеткой, предназначенной для того, чтобы хоть как-то огородиться от жестких и стремных личностей, обитавших сразу за дверью.

После того как Мариану похитили, я испугалась, что тоже могу исчезнуть с лица земли – что меня может украсть какое-нибудь чудовище, прячущееся в темноте. Но время шло, и мало-помалу я начала понимать, что это чудовище – вовсе не человек, а ящики пива и пустые бутылки из-под рома. А также те наркотики, которые мой отец предпочитал в данный момент. Потому что в конечном счете Альберто Руис мог только так жить в согласии с самим собой. Ему необходимо было стереть, уничтожить того человека, которым он был, – того, каким он был раньше. Того, который был моим папой.

Мне было бы очень легко последовать за ним по этой мерзкой кривой дорожке, но каким-то чудом я открыла в своем мрачном унылом мирке лучик света – живопись. И мне это понравилось. У меня хорошо получалось – хотя и не в традиционном смысле. В отличие от других художников моя страсть к живописи родилась не в каком-нибудь душном музее, а выросла и развилась на грязных крутых улицах, заваленных мусором, усеянных разбитыми и сломан-

ными машинами и населенных сломленными людьми. Вдохновение пришло ко мне прямо там, где я жила, и к тринадцати годам меня в любой час можно было увидеть в городе с баллончиками красок всех цветов радуги, которыми был набит мой купленный на распродаже излишков военного имущества армейский вещмешок. Я работала, создавая огромные муралы на торцевых стенах грязных обветшалых зданий баррио, что по-испански значит «район».

Поначалу меня нервировало внимание, с которым за мной наблюдали члены уличных банд и торговцы наркотиками, оккупировавшие все углы. Они смотрели, как я работаю, сперва с подозрением, затем с любопытством. Под их взглядами я превращала бетонную стену какого-нибудь заброшенного здания в изображение множества прямоугольных геометрических тел и линий. Если смотреть на них с расстояния, они становились точной копией Ла Перлы с ее розовыми, голубыми и желтыми домами с их ставнями, балконами и тенями дверных проемов.

В конце концов я стала своего рода источником развлечений, скрашивающих скуку в нашем и других баррио. Вскоре вокруг меня начали собираться небольшие группы людей, наблюдающих, как я работаю, – и даже спешащих помочь мне передвинуть лестницу, которую я таскала с собой по всему городу. И я перестала нервничать из-за их присутствия – и, как это ни парадоксально, начала чувствовать себя в большей безопасности под их присмотром, а также потому, что вследствие этого могла благополучно возвращаться домой, когда было уже поздно и темно. На протяжении всего этого времени мой отец торчал в каком-нибудь дешевом баре, где соглашались его терпеть. Часто кто-то из членов банд или торговцев наркотиками, сжалившись, помогал мне поднять отца с тротуара и довести до кровати, чтобы он мог проспаться.

Именно так, как ни трудно в это поверить, я и познакомилась с Матео, мужчиной, который сейчас спит рядом со мной, моим мужем. Он был тогда мелким воришкой и собирался стать торговцем наркотиками. По его словам, я заставила его измениться. Но, по правде сказать, это сделала любовь. Она изменила нас обоих. Теперь он помогает таким же ребятам, каким был сам, в качестве социального работника, специализирующегося на оказании помощи молодежи из групп риска.

Должно быть, он чувствует, что я думаю о нем, – каким-то необъяснимым образом у него это часто получается, – потому что он поворачивается и, прищурившись, смотрит на меня.

– ¿*Todavía nada?*¹⁰ – спрашивает он по-испански.

– Да, по-прежнему ничего, – отвечаю по-английски.

Матео приподнимается на локте и сексуально вскидывает темную бровь.

– О, теперь мы практикуемся в английском? – вопрошает он, тоже перейдя на этот язык.

Я пожимаю плечами.

– Как знать... Возможно, скоро он мне понадобится.

– Ты хочешь сказать, если она ответит на твое сообщение?

Кладу телефон на прикроватную тумбочку экраном вниз, затем ложусь на кровать рядом с ним.

– Жаль, что я не могу отменить свое ожидание.

Вижу участие на его лице даже в темной спальне.

– Почему? Исабель, *mi amor*¹¹, ведь ты ждала этого дня все то время, что я тебя знаю. И вот этот день настал. Ты нашла ее! Ты наконец нашла свою младшую сестру!

В моем ответе куда меньше энтузиазма.

– Да, но действительно ли я нашла ее? – спрашиваю я, как будто он может знать ответ. – Что, если я ошибаюсь? Что, если она не Мариана?

¹⁰ По-прежнему ничего? (исп.)

¹¹ Любовь моя (исп.).

– А кем еще она может быть с таким набором генов? У Альберто и Росарио что, были и другие дети, о которых ты ничего не знаешь?

– Разумеется, нет...

– Хорошо, понятно, в этом уведомлении, которое ты получила, говорится, что эта женщина... *¿como se llama?*¹²

– Габриэлла, отвечаю я. – Габриэлла Ди Марко.

– Итальянка? – Матео фыркает. – Выходит, ее похитили итальянцы? – недоверчиво вопрошает он, как будто это самая нелепая вещь, которую ему когда-либо приходилось слышать.

Я прыскаю, потому что просто не могу удержаться.

– Да, Матео. Папа Иоанн Павел Второй умыкнул ее с улиц старой части Сан-Хуана и увез на своем папамобиле.

– Тоже мне. – Он небрежно машет рукой. – Эта штука ездит со скоростью где-то десять миль в час, так что быстро смыться не получится.

Я грожу ему пальцем.

– Нет, папамобиль может развивать скорость до *ста шестидесяти* миль в час.

– В самом деле?

Я киваю:

– В самом деле. Думаю, папа римский должен иметь возможность передвигаться быстрее, чем дьявол.

Сдавленно смеясь, он прижимает меня к себе, так что моя голова оказывается на его груди, и я слышу тихое, приглушенное биение его сердца.

– *Dígame*¹³, – тихо говорит он.

Он хочет, чтобы я рассказала ему об этой девушке, которую я, вероятно, спугнула. Я ничего не могла с собой поделать – после пяти лет работы с «ГенТим» и бесчисленных уведомлений, присылаемых мне всякий раз, когда часть генов моей ДНК совпадала с генами одной из десятков моих кузин, у меня не было причин ожидать, что на этот раз все окажется по-другому.

– Когда я получила это уведомление, – медленно начинаю я, излагая Матео эту историю, наверное, уже в четвертый раз, – я подумала, что речь идет о моей тете Ане Марии или о моей кузине Оливии – они обе присоединились к этому проекту несколько недель назад. Но потом я не могла поверить своим глазам, когда увидела, насколько велика степень совпадения наших ДНК. *Пятьдесят* процентов! Я перечитала это раз десять, чтобы удостовериться.

– И это значит, что она твоя полнородная сестра, верно?

– Да. И... в ее профиле сказано, что ей двадцать пять лет – что соответствует теперешнему возрасту Марианы, – но не упомянута дата ее рождения. – Я качаю головой. – Не знаю. Эти лаборатории, устанавливающие родство по ДНК, иногда делают ошибки, не так ли?

Чувствую, как он пожимает плечами.

– Не знаю. Думаю, такое бывает нечасто. К тому же до сих пор эта компания ни разу не выдала тебе такого совпадения, которое оказалось бы ложным, разве не так? Твои кузины – это твои кузины, не отвертись.

– Да, все так.

– И... там была ее фотография?

Этого я ему не говорила.

– Да.

– И... как?

¹² Как ее зовут? (исп.)

¹³ Расскажи мне (исп.).

– Я увеличила ее фото настолько, насколько было возможно, чтобы не возникло искажений, и, насколько я могу понять, цвет глаз у нее такой же. Я думаю... трудно быть уверенной, если ты имеешь дело с фотографией. Но, если бы я встретилась с ней, я бы смогла сказать точно. Я знаю, что узнала бы ее, если бы увидела вживую.

Тьфу, мой голос звучит так отчаянно, что это слышу даже я сама. Выглядит жалко, потому что я пытаюсь убедить не его – я пытаюсь убедить себя саму.

Какое-то время Матео молчит, уставясь в потолок. Затем смотрит на меня с таким же выражением, которое было на его лице в тот день, когда я познакомилась с ним. В тот день, когда я поняла, что выйду за него замуж.

– *Bueno, sólo hay una cosa que hacer*¹⁴, – говорит он.

И он прав. Действительно, есть только одна вещь, которую можно сделать.

Я должна встретиться с ней, иначе я никогда не узнаю правду.

Вопрос в том, насколько сама Габриэлла Ди Марко заинтересована в том, чтобы узнать ее.

¹⁴ Есть только одна вещь, которую можно сделать (*исп.*).

Глава 3

Гэбби

Наши дни

Макс сидит за своим рабочим столом, внимательно всматриваясь в распечатки, которые я вручила ему. Минуту спустя он поднимает взгляд и смотрит на меня, сидящую на стуле.

– Гэбби, а ты абсолютно уверена, что эти данные неверны? Мне бы очень не хотелось зарубить результаты работы «ГенТим» из-за того, что у нас есть сомнения в их надежности...

Наша компания потратила кучу денег, чтобы оплатить эти исследования. Макс прав, одна-единственная ошибка в дешифровке ДНК обнуляет результаты генетического тестирования для всех. Это означает, что, если мы сообщим о наличии проблемы, мы не можем использовать ни один из результатов. И я ничего не могу с этим поделать.

– Макс, уверяю тебя, они там однозначно все перепутали. Гены европейского происхождения – это само собой, но африканские и гены индейцев таино? Предки моего отца жили в Абруцци, а моей матери – на острове Корфу.

– В самом деле? – спрашивает он с таким видом, будто это стало для него полнейшим сюрпризом.

– Да, точно. А что?

– Ну, не знаю... – Он пожимает плечами. – Знаешь, вообще-то мне не следует это комментировать, но должен признаться, я всегда думал, что ты латиноамериканка. Черты твоего лица, твои темные волосы...

– Моя фамилия Ди Марко, – напоминаю ему я. – Самая что ни на есть итальянская.

– Ну, это еще ни о чем не говорит. Как знать, вполне возможно, что ты была удочерена. Или...

– Я не была удочерена, – заверяю я. – Мои родители были очень открытыми людьми – они бы ни за что не стали скрывать от меня такое.

– Понятно, – бормочет он, переключив свое внимание на сообщение от Исабель Руис.

Я смотрю, как его глаза движутся сверху вниз, слева направо, просматривая всю информацию, которую я ему принесла, страница за страницей, хотя нельзя сказать, чтобы этой информации было много. Большую часть ночи я не спала, проводя целенаправленный поиск, прочесывая официальные базы данных, просматривая библиотечные и газетные архивы. Затем я изучила мои любимые ветки блогов и форумов, касающиеся криминальных тем, подкасты и блоги, в которых речь шла о давних нераскрытых преступлениях, и подфорумы на платформе *Reddit*, ища упоминания о младенце, пропавшем на улицах Сан-Хуана много лет назад.

Прочитав все, Макс кладет последнюю страницу моих распечаток на стол текстом вниз и смотрит мне в глаза.

– Негусто... – начинает он.

– Знаю, – быстро соглашаюсь я. – Кое-что я нашла, двадцать пять лет назад там действительно пропала девочка, сестра этой Исабель Руис... Но никаких подробностей, к сожалению...

– Ну, возможно, получится что-то выяснить с помощью нескольких телефонных звонков... – Он стучит кончиком ручки по пачке бумаг, которые только что изучил, затем продолжает: – Местная газета, как я вижу, опубликовала материалы в десятую, пятнадцатую и двадцатую годовщину исчезновения. И они дают ее вероятные изображения во всех этих возрастах... Все эти вероятные изображения – полнейшее дерьмо.

Картинки, на публикацию которых полиция дала добро, наполовину забавляют меня, наполовину приводят в ужас.

– Да уж. Ей-богу, впечатление такое, будто они не хотели, чтобы эту бедную девочку вообще кто-то узнал! – шучу я.

Макс смотрит на меня, слегка склонив голову набок.

– Что? – спрашиваю я, чувствуя себя немного некомфортно под его внимательным взглядом.

– Знаешь, этой «бедной девочкой» можешь быть *ты*.

Я фыркаю и небрежно машу рукой.

– Макс, я тебя умоляю. Я же сказала тебе – я не приемный ребенок, я не была удочерена. Это ошибка лаборатории. Какие-либо другие предположения совершенно невозможны.

– Но ты не думаешь, что эта Исабель Руис играет в какую-то игру? Что она пытается что-то от тебя получить?

Я качаю головой.

– Я тоже рассматривала такую возможность. Но нет. Как ты сам видишь, Исабель Руис – реальный человек, потерявший сестру. И я думаю, можно с уверенностью сказать, что она действительно верит, будто я и есть ее сестра. Это прискорбно... но это не моя вина.

Мой босс потирает щетину на своем подбородке и задумчиво кивает.

– А что тебе говорят твои инстинкты? Есть тут потенциал для создания интересного материала?

Я пожимаю плечами.

– Полагаю, что да. Из-за своей некомпетентности «ГенТим» возродила в этой женщине надежду на то, что ее сестра все еще жива. Можно представить, как она будет раздавлена, когда узнает, что это ошибка. Вот пример того, как можно перевернуть чью-то жизнь с ног на голову!

Он смотрит на меня.

– Ладно. В целях соблюдения должной осмотрительности тебе надо поехать домой, просмотреть семейные фотоальбомы, изучить свидетельства о браке и рождении... и проверить, все ли с ними в порядке. Чего-то не хватает? Что-то выглядит немного не так? Даже такая незначительная вещь, как опечатка, может указывать на...

– Макс...

Он вскидывает ладонь, чтобы остановить меня, прежде чем я начну протестовать.

– Ты не хуже других знаешь, как делаются такие дела. И не просто не хуже, а лучше, – напоминает он мне. – Я не могу дать добро на публикацию материала, не приняв все меры предосторожности. Скорее всего, ты права – и в шкафу семьи Ди Марко действительно нет никаких скелетов. Но давай хотя бы откроем дверь этого шкафа и заглянем внутрь.

Испускаю тяжелый покорный вздох.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Сегодня вечером я просмотрю и изучу все фотографии и бумаги, которые у меня есть.

– Отлично! – отвечает Макс с улыбкой, которая могла бы растопить полярные льды. – Тогда давай запланируем встречу на это же время завтра, чтобы все обговорить. – Он придвигается к ноутбуку, стоящему на его столе, и начинает что-то печатать, не переставая говорить: – Дай мне только ввести в курс дела Лису, чтобы она присоединилась к нам...

– Лису?

Он кивает, продолжая печатать.

– Если это то, чем, как мне кажется, это может быть, нам придется немного разгрузить ее рабочий график. И возможно, запланировать ее командировку туда...

– Куда?

Он смотрит на меня улыбаясь.

– В Пуэрто-Рико, разумеется. Куда еще я стал бы посылать ее, чтобы получить этот материал?

О, черт. Я очень надеялась, что у меня в запасе будет еще один или два дня, прежде чем у нас состоится этот разговор. Но придется завести его сейчас.

– Нет. – В моих устах это слово звучит нерешительно – не совсем как вопрос, но, условно, не как утверждение.

– Что нет? – спрашивает он все с той же дразнящей улыбкой.

– Нет, я не хочу, чтобы этим материалом занималась Лиса. – На этот раз мне удастся придать своему тону немного меньше мягкотелости и немного больше жесткости.

Его ослепительная мегаваттная улыбка немного тускнеет.

– Извини, что?

– Не хочу, чтобы этим занималась Лиса. Этот материал я хочу написать сама, Макс, – говорю я и затем продолжаю так быстро, чтобы он не смог вставить ни слова: – Я готова к этому, готова уже давно. И ты сам это знаешь. К тому же это *моя* история, разве нет? В буквальном смысле этого слова! Эта женщина считает, что я ее сестра. Конечно же, это не так, но разве тебе не кажется, что именно я должна поговорить с ней об этом? Разве тебе не кажется, что эта история должна быть рассказана именно *моим* голосом?

Теперь на его лице нет ни тени улыбки. Оно бесстрастно, когда Макс смотрит на меня и обдумывает то, что я только что сказала.

– Я думаю... – медленно начинает он, сложив пальцы домиком, – что, с одной стороны, это может оказаться одной из тех историй о воссоединении семьи, от которых у читателей на глаза наворачиваются слезы. А с другой стороны, это может обернуться разоблачительной статьей об индустрии семейной генеалогии и о том, как она ставит жизнь людей с ног на голову. Сейчас невозможно сказать, каков будет конечный результат. Так что я думаю, что этим должен заняться человек с опытом. Профессионал.

– Макс, я и *есть* профессионал. Если только ты дашь мне возможность...

Не успеваю я договорить, как он встает и обходит стол. Несколько секунд – и он, по своему обыкновению присев на край стола, смотрит на меня сверху вниз.

– Да ладно тебе, – елейно говорит он, точь-в-точь как Мэтью в фильме «Аббатство Даунтон». А может, как дворецкий из этого фильма, мистер Карсон. – Ты же знаешь, Гэбби, что я вовсе не пытаюсь оттеснить тебя в сторону, но в этом деле на кону стоит слишком многое. Так что давай просто пригласим сюда Лису и начнем разрабатывать план. Послушай меня – я пошлю в Пуэрто-Рико вас обеих. Ты сможешь заняться там сбором фактов в реальных условиях! Ну разве это не заманчиво, разве тебе не кажется, что это потрясающая возможность?

Ага, как же. Макс отправит меня в это место, где я никогда не была и где люди говорят на языке, которого я не понимаю. И к тому же для полноты счастья еще и заставит взять с собой Лису. Это будет настоящий ад.

Я качаю головой:

– Нет, не кажется.

Он хмурит брови, разглядывая меня, затем громко вздыхает, воздев руки к потолку.

– Прости, Гэбби, но в этом вопросе тебе придется довериться моему суждению, – говорит он сочувственно, но твердо.

Я понимаю, что он принял решение, и у меня падает сердце. А ведь я была так уверена, что дожала его.

И уже собираюсь открыть рот, чтобы скрепя сердце согласиться, но тут слышу голос Фрэн, настойчиво советующий мне потребовать, чтобы мне тоже дали место за редакционным столом.

– Понятно, – бормочу я, говоря сама с собой, хотя Макс, похоже, решил, что я соглашаюсь с ним.

Его британской заднице, привыкшей пить чай с пышками, лучше подумать еще раз.

– Да, все ясно, – соглашается он и, снова придав своему лицу приветливое выражение, возвращается на другую сторону стола. Садится, нацепляет очки и смотрит на экран своего компьютера. – Ты сможешь встретиться с Лисой в моем кабинете завтра, скажем... в два часа?

– М-м-м, что? – бормочу я, погруженная в свои мысли. – О... нет. Извини...

Он поднимает на меня взгляд.

– Ну хорошо... а какое время тебе подойдет? – Когда я не отвечаю, он снимает очки и делает еще одну попытку: – Гэбби, пожалуйста, не веди себя так...

– А по-моему, я веду себя совершенно разумно.

– А вдруг окажется, что она действительно твоя сестра? Что тогда? Это поставит тебя в очень затруднительное положение.

Я решительно мотаю головой:

– Нет, это совершенно невозможно.

Макс начинает терять хладнокровие, его голос становится немного громче, немного менее любезным.

– Все возможно, Гэбби. Ты смотришь на вещи только со своей собственной узкой точки зрения. Неужели тебе непонятно? Журналисты – опытные журналисты – смотрят на тему сразу с нескольких разных углов зрения и стараются выйти за рамки своих собственных личных склонностей и представлений. Вот почему ты еще не вполне готова... – Он решительно качает головой, как будто только что убедил себя в правильности своего решения. – Нет, извини. Об этом не может быть и речи.

Он не повелся на мой блеф, хотя это и не блеф вовсе. Но, с другой стороны, когда ты блефуешь, это не означает, что у тебя на руках нет хороших карт. А у меня на руках хорошие карты – на самом деле козырные, потому что у меня есть та единственная вещь, которая Максу и нужна, – а именно этот сюжет. Я – одна из фигур этого сюжета. И это стоит всего остального.

– Что ж, – начинаю я, говоря медленно и спокойно. – Тогда я беру отпуск – с этого самого момента.

Его зелено-карие глаза чуть ли не вылезают из орбит.

– Отпуск? Ты хочешь взять отпуск... теперь? – вопрошает он, будто не веря своим ушам.

– Да. Трех недель должно хватить, спасибо.

Пальцы Макса так крепко сжимают край стола, что костяшки белеют, – он пытается оценить, насколько тверда моя решимость. Мы снова вернулись к блефу – он думает, что теперь я играю с ним в «кто первым струсит».

– Гэбби, извини, но я не могу позволить тебе заняться этим самой. Если ты не хочешь, чтобы этим занимались Лиса или Рэнди, я найду кого-то другого. Черт побери, если хочешь, с тобой поеду я сам...

Ты просто хочешь равных условий игры, да?

– Спасибо за любезное предложение, Макс, но в этом нет необходимости. Я вполне могу справиться с этим делом без посторонней помощи, – говорю я, желая, чтобы так оно и было.

Нечасто бывает, чтобы лицо моего босса не выражало благожелательности и дружелюбия. Но ведь, с другой стороны, мне тоже нечасто случается говорить ему – притом без околичностей, – что он может засунуть свое предложение себе в...

– Гэбби...

Теперь произнесенное им слово, одно-единственное, звучит как предостережение, как угроза. Он использует против меня мое собственное имя, и это здорово выводит из себя. Я встаю, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза, когда я скажу ему это.

– Это моя жизнь и, следовательно, мой материал. *Мой* и больше ничей. И, если ты не настолько заинтересован в том, чтобы получить его, чтобы дать мне возможность рассказать эту историю по-своему – так, как хочу рассказать ее я, – то я займусь этим как фрилансер.

Я могу назвать десяток других изданий в этом городе, которые с восторгом примут мое предложение.

Его алебастровая кожа под чертовски сексуальной щетиной начинает краснеть.

– Пожалуйста, не заставляй меня делать это, – говорит он сквозь зубы.

– Ты здесь главный редактор, Макс. И можешь делать все, что захочешь, – напоминаю я. – Если ты дашь мне шанс, я тебя не подведу. Но если ты не находишь возможным сделать это, то я не могу представить свое будущее здесь, во «Флюксе».

Как только эти слова слетают с моих уст, я понимаю, что это правда – дело действительно обстоит именно так. Закрываю глаза и жду его решения. И мне не приходится ждать долго.

– Что ж, Гэбби, – очень тихо произносит он. – Боюсь, мне придется тебя отпустить.

Я открываю глаза и киваю, как будто ожидала этого с самого начала. Как будто я знала, что этот разговор закончится тем, что я покину «Флюкс», – как это и происходит. Как будто я всерьез намеревалась отказаться от того единственного, что еще не числилось в списке моих потерь – и что я теперь потеряла.

Глава 4

Исабель

Наши дни

Меня называли *la pequeña madre* – маленькой мамой, – потому что я вечно возилась с куклами-пупсами. Я надевала на них подгузники, давала им бутылочки и укачивала, сидя в том же самом черном деревянном кресле-качалке, в котором моя мать укачивала меня саму, когда я была младенцем. Когда мои родители сказали, что скоро у меня появится братик или сестричка, я пришла в восторг – выходит, мои молитвы были услышаны! Теперь я стану *la pequeña madre* уже по-настоящему – с *настоящим* ребеночком, которого я буду любить и о котором смогу заботиться.

Я провела немало долгих бессонных ночей, глядя в потолок и думая о том времени в моей жизни. Насколько я могу судить, это и есть точка отсчета. Ожидая братика или сестричку, я была по-настоящему счастлива в последний раз. Если бы только я могла остановить время – заморозить его! Потому что раз – и все в моей жизни пошло прахом. Только что у меня были счастливые, веселые, покладистые родители, которые меня обожали. Мы были небогаты – черт возьми, нас нельзя было отнести даже к среднему классу, но у нас троих были мы сами и у нас была любовь. И этого нам было более чем достаточно.

Пока всему этому не пришел конец.

Посреди ночи меня разбудили истошные крики моей матери. У нее были схватки, и я поняла, что что-то пошло не так, ужасно не так – потому что роды начались слишком рано. С ней осталась наша соседка, пока мой отец побежал за повитухой, которая жила в нескольких кварталах от нас. Я беспомощно стояла в дверях и смотрела, парализованная криками, слезами и видом крови.

Боже мой, этой крови было так много.

Час спустя я все еще стояла на том же самом месте, когда повитуха завернула крошечного младенца в наволочку и отдала мне. Ей пришлось это сделать – мой отец был не в состоянии взять свою новорожденную дочь. Он обезумел от горя и плакал над моей матерью, которая неподвижно лежала на кровати, и ее бледная как мел кожа резко контрастировала с темно-красным цветом окровавленных простыней. Я посмотрела на крохотное существо у меня на руках, шевелящееся и кряхтящее, затем перевела взгляд на мать, безмолвную и застывшую.

Мой разум, разум ребенка, не достигшего еще и пяти лет, был не способен осмыслить все то, что только что произошло. Все было не так – не так, как должно было быть. Однако мой разум ребенка, не достигшего еще и пяти лет, смог осознать, что той жизни, какой я знала ее, пришел внезапный конец. Хотя никто мне этого не сказал, я понимала, что женщина, которую я любила больше всего на свете, уже никогда не вернется, чтобы обнять меня, или покачать, или успокоить, когда я заплачу посреди ночи. Она никогда не возьмет на руки младенца, которого сейчас держала на руках я, – того, которого мы все так трепетно ждали.

Именно тогда это и случилось.

Сколько бы мне ни довелось прожить, я никогда не забуду тот миг, когда я посмотрела на малышку и пожелала, чтобы ее здесь не было. Потому что, по моим детским представлениям, если бы она не родилась, моя мама не умерла бы.

Внезапно то, что прежде было игрой, когда я понарошку делала вид, будто я уже достаточно взрослая, чтобы заботиться о грудном ребенке, стало моей реальностью – и в этом не было ничего веселого. Это была не игра, это была настоящая жизнь. Моя жизнь.

В первые дни все было не так чтобы *совсем уж* плохо – что очень хорошо показывает, насколько хуже ситуация стала потом. Состояние шока, в котором я находилась, было благо-

словением – как, разумеется, и эта первая стадия горя, отрицание. К тому же вокруг были наши родные, соседи и друзья. Но, когда их присутствие начало мешать тем методам, которые мой отец выбрал, чтобы пережить свою утрату, – методам, заключающимся в том, чтобы напиваться в стельку и глушить себя наркотиками до отключки, – он отослал их всех прочь, заверив, что он все устроил и о малышке будут хорошо заботиться. Так оно и было. О ней заботились настолько хорошо, насколько пятилетний ребенок может заботиться о грудном.

И боже ж ты мой, как же ей нужна была забота, но Альберто не было поблизости.

Была только я. И Мариана.

В хорошие вечера и ночи мы сидели вместе в том большом черном кресле, в котором моя мать когда-то качала меня, и я пела малышке песни, которые пела мне Росарио.

А в плохие вечера и ночи никакое укачивание, никакие песни, никакие попытки успокоить и успокоиться не могли унять плач ребенка, которого мать оставила одного, без защиты, в холодном жестоком мире. Ни ее плач, ни мой. В эти вечера и ночи мы прижимались друг к другу в этом старом кресле-качалке – пятилетняя девочка и пятинедельная, – и нас обеих сотрясали надрывные судорожные рыдания, после которых болит горло, а тело ноет от конвульсий.

Я морщусь от этих воспоминаний, всплывших во всех красках, в формате *full HD* и с объемным звучанием.

А может быть, я морщусь от кофе глясе, который пью. Он горький и отдает пеплом – как будто его приготовили из окурков и молока со льдом, взбитыми сливками и чуточкой жженого сахара. Но я продолжаю посасывать его через соломинку, сидя на парковке за кофейней «Первоклассные кофе-бобы» и уставясь на стену, как будто это экран в кинотеатре для автомобилистов.

На этой стене, слева от ржавой шаткой пожарной лестницы, видны едва различимые остатки незаконченного мурала. Из-за него я приезжаю сюда один или два раза в месяц. Лицо плачущего ангела, вылинявшее от безжалостного солнца... Девушка-ангел превратилась в неясный призрак, парящий там, наверху, а ее слезы выцвели до тускло-ржавого цвета. Эту девушку, которая плачет кровавыми слезами, никто не замечает. Никто, кроме меня.

Бросаю взгляд на часы на приборной панели. Мне надо успеть добраться до своего рабочего места раньше, чем начнется послеполуденный наплыв клиентов. Баллончики с аэрозольными красками я давно выбросила, потому что нужно платить ипотеку, а муралы не приносят денег. Я арендую кабинку в пассаже, где продают подарки и сувениры. Несколько раз в неделю, когда в порту швартуются гигантские круизные лайнеры, толпы *turistas*¹⁵ наводняют мощенные булыжником улицы в поисках рома, серебряных украшений и прочей ерунды. Многие хотят нанести памятные рисунки на ногти, чтобы похвастаться ими, когда вернутся домой. Вот этим я теперь и занимаюсь – рисую на ногтях.

Завожу машину, в последний раз бросив взгляд на мой телефон, прежде чем тронуться с места.

Ничего... Во всяком случае, ничего от *нее*.

Несмотря на мой прошлый опыт, я позволила маленькой части себя думать, что это будет легко, – воображала, что она, увидев результаты анализа моей ДНК и получив мое сообщение, будет безумно рада тому, что нашла ту частицу себя, об утрате которой даже не подозревала. Что, увидев меня, она инстинктивно поймет, что нас связывают родственные узы – что в наших жилах течет одна и та же кровь. Разумеется, ведь именно такую ахинею мы видим в сериалах – в тех, где показывают счастливое празднование Рождества, а не в тех, где девушка-чирлидер становится психопаткой, маниакально преследующей своего бывшего парня.

¹⁵ Туристы (*исп.*).

К сожалению, в реальном мире со счастливым концом бывает немного труднее. Еще вчера незнакомая мне молодая женщина проснулась утром, ничего не ведая, а к концу дня она получила известие о том, что она вовсе не та, кем всегда себя считала. Конечно же, она отнеслась к этому с недоверием – видит Бог, на ее месте я восприняла бы это точно так же! Ей понадобится какое-то время, чтобы разобраться с этой информацией. Потому что, в конце концов, речь идет не о том, чтобы найти семью, о существовании которой она и не подозревала, – а о том, чтобы потерять ту единственную семью, которая у нее была.

И, как ни крути, правда одной жизни превращает другую в обман.

Глава 5

Гэбби

Наши дни

– И о чем я только думала? – сетую я, наверное, уже в сотый раз.

– Ты думала о том, что с тебя хватит, – сообщает мне Фрэнни с экрана моего ноутбука. На этот раз мы воспользовались «зумом», так что мне не надо держать перед собой телефон, пока я хожу взад-вперед по скрипучему паркетному полу и рву на себе волосы.

– Предполагалось, что все это даст мне возможность продвинуться во «Флюксе», а не вылететь из него! – говорю я, проигнорировав ее слова. Теперь, когда всплеск адреналина, вызванный возмущением и уверенностью в своей правоте, прошел, мне остается только недоумевать, как все могло так быстро пойти под откос. – Поверить не могу, что я позволила тебе уговорить меня пойти на это! У меня была отличная работа в престижном журнале. Да, это не была работа моей мечты, но я бы и ее получила, если бы запаслась терпением. Но нет! – Вскидываю руки и качаю головой. – Нет, я позволила тебе убедить меня надавить на Макса!

Если моя лучшая подруга и чувствует себя виноватой в том, что вчера вечером накрутила меня, то по ней этого не видно.

– Тебе надо успокоиться, пока тебя удар не хватил, – невозмутимо говорит она.

Я перестаю ходить взад-вперед и сердито смотрю на Фрэн, безмятежно взирающую на меня из своей крохотной квартирki. С удовольствием швырнула бы что-то в нее, если бы это не означало, что всего лишь разобью экран моего ноутбука.

– Успокоиться? – изумленно повторяю я. – Моей карьере пришел конец, а ты хочешь, чтобы я успокоилась?

– Не драматизируй.

Я не устаю ее вниманием и продолжаю свои «плач и скрежет зубов»¹⁶.

– Господи, мне не следовало давать моей гордости волю. Мне надо было просто...

– Что? – вопрошает она. – Что тебе надо было сделать? Стоять и смотреть, как Лиса отнимает у тебя твой сюжет? Я тебя умоляю. Ты просто боишься, потому что ты не из тех, кто прыгает, не имея страховочной сетки. Но тебе пришлось это сделать. Я знаю тебя, Гэбби. Если бы ты в этом вопросе прогнулась, то потом жалела бы об этом на протяжении всей своей карьеры. Это бы грызло тебя изнутри, пока тебе не стало бы невмоготу продолжать работать там. – Она смягчает тон. – Неужели тебе самой это не понятно? Макс не оставил тебе выбора. Тебе оставалось либо противостоять ему, либо сдаться и отказаться от своего права.

– От какого такого права?

– Права самой решать, что будет дальше. Есть ли у тебя сюжет, на основе которого стоит создать полноценный материал? Каким образом ты будешь это делать? Где ты хочешь его опубликовать? И вообще, *хочешь* ли ты, чтобы он был опубликован? Все эти решения должна принимать ты и никто другой.

Она права, абсолютно права. Если бы я осталась во «Флюксе», это означало бы позволить другим людям завладеть тем, что по праву принадлежит мне. В конечном счете все решения принимали бы Макс и Лиса, а я бы сидела за своим рабочим столом, проверяя, не допустила ли Лиса ошибок в написании имен людей, с которыми должна была разговаривать не она, а я сама.

Сажусь за стол, на котором находится мой ноутбук с лицом Фрэнни, и роняю голову на руки.

¹⁶ Мф. 13: 50.

– Ох, как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь, – стону я, уткнувшись лицом в предплечья.

Она фыркает.

– Зачем? Чтобы я могла выводить тебя из себя лично?

Поднимаю голову, чтобы посмотреть, как она смотрит на меня через объективы наших ноутбуков.

– Чтобы мы смогли вместе испечь печенье с шоколадной крошкой по рецепту моей матери.

Ее лицо становится серьезным, и она кивает в знак согласия:

– Да, ты права. Это ситуация, в которой определенно необходимо прибегнуть к магической силе печений, приготовленных по рецепту Люси. И разумеется, запить их ледяным молоком.

– М-м-м, звучит потрясающе, – соглашаюсь я, на мгновение закрыв глаза и сделав глубокий вдох, как будто мне достаточно просто представить эти печенья, чтобы материализовать их.

Если бы.

– Мне не хватает тебя, Фрэн, – признаюсь я. – И не хватает моих родителей. С тех пор как ты переехала, а они умерли, все полетело к чертям. Я чувствую себя такой одинокой.

Эти последние слова уже много месяцев звучат в моей голове, но только сейчас я смогла произнести их вслух.

– Я *всегда* готова поддержать тебя, Гэбс. Всегда. Где бы я ни находилась. Чем бы ни занималась. Если я буду тебе нужна, то вылечу к тебе ближайшим рейсом. – Она замолкает, словно заново обдумывая свой ответ. – Если только в этот момент не буду копать в грудной клетке какого-нибудь бедолаги или что-то в этом роде... Но честное слово, как только у него случится остановка сердца или ему понадобится реанимация уже без моего участия, я поспешу отправиться туда, где в это время будешь находиться ты. Там, где тебе понадобится мое присутствие, где бы это ни было.

Ловлю себя на том, что улыбаюсь и даже смеюсь сквозь слезы.

– Я люблю тебя, – говорю ей.

– Знаю, – самодовольно отзывается она.

– Фрэнни?

– Да?

– Я думаю, что, возможно, мне надо будет полететь в Пуэрто-Рико.

Моя лучшая подруга кивает.

– Да, – соглашается она. – Так оно и есть. А теперь иди на кухню и возьми ту сухую смесь для печенья, которую ты хранишь в буфете на случай возникновения чрезвычайной ситуации. Она тебе пригодится.

* * *

Час спустя я по-турецки сижу на диване. Передо мной на журнальном столике стоит миска с наполовину съеденным сырым тестом для печенья, возможно, полным сальмонелл, а на столе громоздятся сокровища из моего детства. В одной коробке хранятся мои рисунки цветными карандашами, грамоты и табели успеваемости с отличными оценками, которые моя мама так и не смогла выбросить. В другой коробке лежат мое маленькое детское одеяльце с зайчиками, прядь младенческих волос, мой первый зуб и один крошечный розовый носочек.

Отдельная история – альбомы с фотографиями: фотохроника жизни семьи Ди Марко, начиная со свадьбы моих родителей до церемонии окончания мною университета. Вожу указательным пальцем по покрытым пленкой изображениям Мака и Люси на снимках, охватыва-

ющих многие годы их жизни, – она работала учительницей в нулевых классах школы, а он был копом. Я была у них поздним ребенком – их «маленьким чудом», как говаривала моя мать. Они уже отчаялись заиметь малыша, когда неожиданно появилась я, и следующие двадцать с лишним лет мы были крепко спаянной семьей, состоящей только из них и меня.

Закрыв последний альбом, я вздыхаю. Как же мне не хватает Фрэнни. Эта фигня с нашим общением с помощью гаджетов не удовлетворяет меня. Это не по мне.

Бросаю взгляд на часы и осознаю, что совершенно потеряла счет времени – сейчас уже больше двух часов ночи. Думаю, завтра просплю допоздна, раз уж мне теперь все равно не надо никуда спешить...

По-быстрому приняв душ, ложусь в постель и уже начинаю засыпать, когда в моей голове вдруг звучит голос Макса.

...Чего-то не хватает? Что-то выглядит немного не так?

Заткнись и дай мне заснуть! – одергиваю я свое подсознание. Потому что это просто какая-то чепуха, что-то давнишнее и не нашедшее своего объяснения, и именно сейчас это вдруг всплыло в голове. Ладно, это непонятное «что-то» может подождать до утра, когда я немного посплю.

Но едва я снова закрываю глаза, как опять слышу *его* голос:

Чего-то не хватает?

Я сажусь на кровати.

– Что? Что это может быть? – вопрошаю, обращаясь к моей пустой спальне. И встаю, раздраженно ругнувшись.

Света луны, льющегося в окно спальни, более чем достаточно для того, чтобы добраться до гостиной. На журнальном столике лежат фотоальбомы – лежат так, как я оставила их, когда пошла в душ. Сажусь на подлокотник дивана и смотрю на них, призывая подсознание дать мне еще одну подсказку. Но оно явно погрузилось в сон, как следовало бы сделать и мне самой.

– Бред, – бормочу я, говоря сама с собой, и, встав, протягиваю руку, чтобы закрыть один из альбомов.

Самая первая фотография в нем – я в нежном возрасте. Мое личико покрыто крошками и кремом от кусочка торта, который я попыталась засунуть себе в рот. Я усмехаюсь – всегда обожала тортики. В центре сооружения из взбитых сливок высится восковая свеча в форме цифры «один».

Захлопываю альбом и собираюсь вернуться в кровать, когда мне на ум вдруг приходит одна мысль.

Этот торт – мой самый первый именинный торт. И это самая первая моя фотография в самом первом альбоме. Это – наш отправной пункт. Но где же другие снимки – на которых меня только что привезли домой из больницы, на которых моя мать держит меня на руках, пока я сплю? Где фотографии, на которых я пью из бутылочки или сплю в детской кроватке? Насколько я знаю Мака и Люси, первые двенадцать месяцев моей жизни должны были занять отдельный фотоальбом. Но я перебрала все вещи в нашем старом доме, прежде чем он был продан, – и там ничего не осталось. К тому же, когда я думаю об этом сейчас, мне не удается вспомнить, чтобы я когда-либо видела фотографии, отражающие мое младенчество.

Снова открываю альбом. Празднование моего первого дня рождения проходило в нашем доме в Нью-Йорке. Мак тогда оставил свою работу в Огайо, чтобы устроиться на другую, получше.

Погодите, погодите... они переехали в другой штат, когда на руках у них был совсем маленький ребенок? Вот-вот, было бы странно не потерять что-то при таких обстоятельствах...

Хлопотный переезд с маленьким ребенком на руках из Огайо в Нью-Йорк вполне мог сопровождаться потерей фотоальбома.

По-моему, звучит весьма правдоподобно.

Но только...

Я захлопываю альбом, прежде чем в голову успевает прийти следующая мысль.

– Нет, – говорю я, качая головой. Но, когда я произношу это «нет» вслух, оно звучит совсем не так убежденно и эмоционально, как звучало в моем сознании.

Смотрю на ноутбук, все еще открытый на обеденном столе. Я не знаю, что, черт возьми, за всем этим стоит, но я должна это выяснить. И сделать это раньше, а не позже.

Сажусь перед ноутбуком, ввожу логин, чтобы перейти на сайт «ГенТим», и нахожу женщину, чье лицо я теперь хорошо помню. И начинаю печатать.

«Дорогая Исабель...»

Глава 6

Исабель

Наши дни

Когда на моем телефоне звонит будильник, мне хочется отшвырнуть его от себя. Я опять всю ночь ворочалась, засыпая лишь время от времени, некрепко и ненадолго.

Принимаю долгий горячий душ, когда Матео приносит мне большую кружку кофе.

– Как здорово, – бормочу, повернувшись, чтобы выпить этот кофе, пока вода стекает по моей спине. – Спасибо.

Он кивает.

– Возможно, тебе не стоило бы сегодня ехать на работу, – предлагает он. – Выглядишь ты просто ужасно.

– Ну спасибо, дорогой, – с сарказмом отвечаю я.

– Ты понимаешь, что я имею в виду...

– Да, понимаю, – соглашаюсь я. – Но мы не можем позволить себе отказаться от того, что я зарабатываю за день. Сегодня в районе порта, где швартуются круизные лайнеры, будет полно туристов. И мне надо будет нарисовать на их ногтях великое множество крошечных пальм и цветков гибискуса. – Поднимаю руку и, шевеля пальцами, демонстрирую ему свои ногти. Матео закатывает глаза и качает головой.

– Надо полагать, со вчерашнего вечера у тебя не было новых имейлов? – осторожно спрашивает он, пытаясь говорить как можно более непринужденно, чтобы я опять не разнервничалась.

– Я пока что не проверяла почту. Мне надо было залить в себя немного кофе, прежде чем я опять начну ждать целый день, сидя как на иголках. И все зря.

Он берет мой телефон со столешницы ванной.

– Хочешь, я посмотрю?

Я пожимаю плечами.

– Конечно, почему бы и нет? – Быть может, разочарование будет меньшим, если мне это скажет он.

Закрываю глаза, наслаждаясь ощущением льющейся на меня горячей воды.

– *Дорогая Исабель*, – говорит он.

Мои глаза тут же открываются, и я раздраженно хмурю брови.

– Что? Перестань дразнить меня, Матео. Это не смешно...

Мой муж поднимает руки, как будто его грабят под дулом пистолета.

– Ей-богу, – отвечает он, показав мне экран.

– В самом деле? – спрашиваю я, и с моих волос в кружку льется вода.

– В самом деле, – кивнув, заверяет он.

– Э-э-э, ясно... ну читай, читай! Нет, погоди... – Я выключаю душ и ступаю на пушистый коврик для ванной, чтобы взять халат и накинуть его на мокрое тело. – Ладно, давай читай. Я готова.

Он смотрит на маленький экран, прочищает горло и переходит на свой немного подзабытый английский.

– Хорошо... э-э-э... *«Дорогая Исабель, спасибо за то, что ты связалась со мной. Я буду с тобой откровенной – у меня нет причин верить, что я действительно та, кого ты ищешь. Наверняка это станет для тебя большим разочарованием, но я совершенно уверена, что все это результат какой-то прискорбной путаницы, допущенной “ТенТим”. Однако я журналист-фрилансер, и, если у тебя нет возражений, я бы хотела немного подробнее разо-*

браться в этой ошибке. Я подумала, что, если ты готова встретиться со мной, я могла бы прилететь в Пуэрто-Рико уже в конце этой недели...»

Он опускает телефон и смотрит, как я потрясенно качаю головой, закрыв рот рукой. И секунду спустя бросаюсь в его объятия, смеясь, как ребенок.

Матео кряхтит.

– Исабель, из-за тебя я промокну насквозь!

Не обратив ни малейшего внимания на его жалобу, беру его лицо в ладони и запечатлеваю на губах долгий влажный поцелуй.

– Она придет! – шепчу я, затем перехожу на крик: – Она в самом деле придет!

* * *

– Ну? – тороплю я его, глядя, как он по моей просьбе перечитывает письмо. – Что ты об этом думаешь? То есть что ты думаешь о ней? Ты можешь что-нибудь сказать о ней, судя по этому письму?

– Ну... по-моему, ее тон слишком уж официален...

Я шлепаю его по плечу.

– Перестань! Ты же знаешь, о чем я...

Он пожимает плечами.

– Исабель, я не совсем понимаю, каких слов ты от меня ждешь. Она пишет тебе, что не верит в правильность результатов анализа своего ДНК.

– Да, но она все равно придет сюда... – быстро говорю я.

Он вздыхает и кладет ладони на мои предплечья, глядя на меня.

– Знаю. Но я просто боюсь, что ты настроена слишком уж оптимистично, а эта девушка явится сюда и разочарует тебя, разрушит твои надежды.

– Она не сможет разочаровать больше, чем та женщина-экстрасенс, которая сказала мне, что моя сестра живет в Турции и разводит коз, – напоминаю я.

Он улыбается и качает головой.

– Да, это само собой...

– Или больше, чем тот частный детектив, которому я отдала все свои сбережения... после чего он просто перестал отвечать на мои сообщения и звонки.

– Да, этот малый и правда был настоящим засранцем...

– Или больше, чем те сотни звонков, которые я сделала, больше, чем те письма, которые я написала, те запросы, которые я отправила, и все те двери, в которые я стучалась, пытаюсь выяснить, что же случилось с Марианой.

Он сжимает мою ладонь обеими руками.

– Исабель, *mi amor*, я просто не хочу, чтобы тебе опять причинили боль. Эта Гэбби Ди Марко вполне может оказаться твоей сестрой Марианой... но, возможно, она совсем *не хочет* быть Марианой. И если это так, твои поиски наконец завершатся... вот только завершатся они тем, что тебя попросту отвергнут.

Матео, безусловно, прав. Мой разум понимает это. Но мое сердце? Что ж, оно тоже понимает, что так оно и есть. Просто сердцу на это плевать. Ему разными путями причинили столько боли – сначала это случилось, когда моя мать умерла, навсегда покинув меня, потом это сделал мой отец, который был живехонек, но все равно покинул меня. Черт возьми, даже моя *abuelita*¹⁷, которая прежде была моей горячей сторонницей и союзницей в этих поисках, оставила меня, погружаясь все глубже и глубже во тьму, которая поглощает ее разум.

– Я сильная женщина, – говорю я.

¹⁷ Бабуля (исп.).

- Я знаю.
- Я смогу убедить ее.
- Ты в этом уверена?
- Да.
- Ну и как ты планируешь это сделать?
- Какое-то время я молчу.
- Не имею понятия, Матео, но я что-нибудь придумаю.

Он кивает мне с видом человека, который понимает, что дальше спорить бесполезно. Может, в том, что касается логики, он и взял надо мной верх, но победа все равно остается за мной, потому что у меня есть непоколебимая решимость. И возможно, я понимаю, что он прав – что это может окончательно сломить меня. Но я также знаю, что он будет рядом со мной, чтобы подобрать обломки и склеить их снова.

Это случится не в первый раз.

И, как это ни печально, не в последний.

В этом я уверена на все сто.

Глава 7

Гэбби

Наши дни

Благодаря моим родителям я смогла повидать немалую часть света, включая большинство из пятидесяти штатов, составляющих США, а также многие страны Европы. Я видела и серо-синие волны Атлантического океана, и слегка окрашенные розовым валы Тихого. Но ничто из этого не смогло подготовить меня к виду Карибского моря, когда самолет начал снижаться у Сан-Хуана. Здесь нужно сказать, что город Сан-Хуан очень хитро расположен: частично на острове Пуэрто-Рико, частично на одноименном острове, и, хотя его берега омывают волны Атлантики, при полете с северо-запада роскошное Карибское море как на ладони.

Словно замороженная, я наклоняюсь влево, к иллюминатору. Надеюсь, что пассажиры, сидящие в креслах справа от меня, не очень-то хотят посмотреть, что там внизу, иначе им придется отодвинуть меня. Но я ни за что не уступлю!

О боже, какие цвета! От небесно-голубого до темно-голубого, от темно-голубого до неправдоподобно лазурного, от лазурного до сине-зеленого... Такие оттенки даже на полотнах самых лучших импрессионистов не найдешь. И все это в кайме белых песчаных пляжей!

Прижав ладони к обшивке справа и слева от маленького овального иллюминатора, я намертво прирастаю лбом к прозрачной поверхности.

– Вы летите сюда впервые?

– Э-э-э, что? – Я так зачарована, что не сразу обращаю внимание на пассажира, сидящего в соседнем кресле.

– Вы впервые летите в Пуэрто-Рико? – спрашивает он опять, и, повернувшись, я вижу, что это пожилой господин, которому, наверное, не повезло, поскольку ему пришлось ютиться между мной и на редкость широкоплечим молодым человеком, сидящим рядом с проходом.

– Да, впервые, – признаюсь я. – Я не думала... я хочу сказать, что и не подозревала, как здесь красиво. Во всяком случае, если смотреть на все это с высоты.

Он улыбается.

– О, внизу еще лучше. – Сосед кивком показывает на иллюминатор. – И дело не только в пляжах. Там есть и горы, и долины, и влажный тропический лес, и сухой тропический лес, и, представьте, пещеры...

– В самом деле? – Мне следовало бы это знать. То есть моя работа подразумевает, что я должна это знать. Но я так и не смогла заставить себя изучить информацию о Пуэрто-Рико, если она не касалась того небольшого, что мне удалось узнать о деле пропавшей маленькой девочки по имени Мариана.

Когда мой сосед улыбается моему удивлению, я вижу на его лице выражение гордости. Судя по акценту, он местный житель.

– Остров Пуэрто-Рико имеет всего-то около девятиста миль в длину и около тридцати в ширину, – говорит он, разведя руки, чтобы отобразить размеры острова прямо здесь, в четырнадцатом ряду кресел нашего самолета. – А остров Сан-Хуан и того меньше. Сделайте себе одолжение – возьмите напрокат машину, чтобы поездить и осмотреться. Если будете держаться магистральных дорог, вам хватит пяти часов на ознакомление. Добраться до внутренних районов Пуэрто-Рико будет немного труднее из-за гор, но и они стоят того, чтобы на них посмотреть. И вы, конечно, знаете, что в шестнадцатом веке наш город назывался Сан-Хуан-Баутиста-де-Пуэрто-Рико, в честь Иоанна Крестителя, а потом название сократили...

– Да, конечно! – говорю я, хотя не знаю этого, у меня нет ни малейших намерений задерживаться в Пуэрто-Рико дольше чем на пару дней, – надеюсь, этого мне хватит для того, чтобы

покончить с путаницей. Но с другой стороны... Вряд ли я когда-нибудь прилечу сюда опять – так что, возможно, мне стоит осмотреть хотя бы небольшую часть здешних красот. Похоже, влажный тропический лес – это что-то интересное.

– Вы летите в Пуэрто-Рико по делам? – спрашивает мой спутник.

– В общем-то, да, – отвечаю я. – Я... я журналистка, – объявляю я, впервые в жизни озвучивая это вслух. Затем добавляю уже более уверенно: – Я пишу для журналов и ищу материал для очерка.

– Как интересно, – отзывается он, и в его глазах вспыхивает любопытство. – Вы собираетесь написать очерк о достопримечательностях Пуэрто-Рико?

– О... нет, не совсем... Вообще-то это касается совершенного там преступления...

Не знаю, что заставило меня сообщить ему это. Слова вылетели сами собой, еще до того, как я успеваю подумать о том, разумно ли вообще говорить о своей цели. Да ладно, не беда, через считанные минуты мы все равно приземлимся и больше не увидимся.

– В самом деле?

В его голосе слышится такой трепет, что мне становится ясно: только что я совершила огромную ошибку. Вот черт.

– Да... но это очень старое дело... висяк...

– А о чем же идет речь?

Сосед всем телом поворачивается в своем кресле, точно так же, как я, когда прильнула к иллюминатору, и его поза полна не меньшего любопытства.

– О, я уверена, вы никогда не слышали об этой истории. Обыкновенное рядовое похищение. Исчезновение маленькой девочки, имевшее место примерно двадцать пять лет назад...

Он шумно втягивает в себя воздух.

– Эту девочку звали Мариана? Вы говорите о *Мариане Руис*, да?

Я отстраняюсь, когда он перегибается через подлокотник и подается ко мне так близко, что, кажется, вот-вот окажется у меня на коленях. Ну и дела.

– Извините, вы сказали, что расследуете дело Марианы Руис?

Этот вопрос задал молодой человек, сидящий у прохода. Он в свою очередь подается ко мне, перегнувшись через пожилого соседа.

Вот черт. Черт, черт, черт. Теперь уже не удастся загнать джинна обратно в бутылку.

– Ну, я бы не сказала, что расследую его в полном смысле этого слова... – говорю я, тисая преуменьшить степень моего интереса.

– Моя мать все никак не может перестать говорить об этом деле, – сообщает молодой человек. – Я еще даже не родился, когда это произошло, но потом, когда мы с ней бывали в старой части Сан-Хуана, она никогда не выпускала меня из виду. Все боялась, как бы меня не украли и тайно не увезли на одном из этих круизных лайнеров...

– Так... так здесь считают? – спрашиваю я, чувствуя, как моя паника понемногу сворачивается. Очевидно, что у местных жителей куда больше информации об этом деле, чем то, что смогла нарыть я сама, когда дома шерстила Интернет.

Он кивает:

– Да, у нас полагают, что она, возможно, была продана на черном рынке... я имею в виду, на котором торгуют маленькими детьми...

– Нет, нет, – не соглашается пожилой мужчина, сидящий между нами. – Нет, речь там шла о выкупе. Я слышал, что похитители потребовали за нее десять тысяч долларов, а у ее отца не было этой суммы...

– А я слышала, что ее отец случайно убил ее, а потом заявил в полицию об исчезновении, – раздается голос женщины, сидящей прямо передо мной. Она пытается посмотреть на нас в просвет между своим креслом и соседним, и я вижу только ее темные глаза, подкрашенные голубыми тенями.

– Мисс, пожалуйста, развернитесь лицом к носу самолета, поскольку мы уже приземляемся, – доносится до меня голос бортпроводника, сидящего впереди и пристегнутого к откидному креслу.

Лицо соседки исчезает.

– Похоже, у каждого здесь есть своя собственная версия этого дела, – замечаю я, обращаясь скорее к себе самой.

– Эта история стала страшилкой, которую родители в качестве предостережения рассказывают своим детям, чтобы те не отходили далеко в компании чужаков, – поясняет мой пожилой спутник. – Но сам я жил неподалеку от того места, когда это случилось. Я знал отца этой девочки – собственно говоря, мы с ним учились в одной школе, пока он не бросил учебу. Я внимательно следил за ходом расследования и могу сказать, что полиция провалила дело еще в самом начале.

Внимательно слушаю, пока мой новый знакомый толкует о проигнорированных зацепках, продажных копах и безграмотных политиканах. Да, теперь мне ясно, что, сидя в Интернете, я не сумела найти об этом деле почти ничего. Но для местных жителей оно стало городской легендой и одновременно худшим из кошмаров.

Чем оно станет для меня, я уже, кажется, догадываюсь.

Глава 8

Исабель

Наши дни

В последний раз я видела малышку Мариану, когда мой отец повез ее гулять в прогулочной коляске. После этого она исчезла – именно так, как я и желала. Мой рациональный взрослый разум понимает, что одно не имеет ничего общего с другим, но много лет я думала, что это не так. И вот пришел тот самый день, о наступлении которого я молилась, – тот день, когда она вернется ко мне. Мое сердце колотится так неистово, что я готова поклясться – оно ударяется о мои ребра.

Я отправляюсь на эту встречу, ничего не зная о ней, – ведь решение приехать Габриэлла Ди Марко приняла быстро. И за те несколько дней, что прошли между нашим первым контактом и ее прилетом, она так и не ответила на мое предложение поговорить по телефону, а в скупой переписке мы не сообщили друг другу никаких деталей о наших жизнях. Хотя, с другой стороны, если бы она узнала всю неприглядную правду о семье, в которой родилась, она могла бы вообще сменить фамилию и исчезнуть навсегда.

Одно ясно – она имеет дорогостоящие вкусы и, по-видимому, располагает средствами, достаточными для того, чтобы их удовлетворять. Я поняла это, когда она предложила мне встретиться в непристойно дорогом баре, находящемся в невероятно переоцененном отеле «*Ла плайя бланка резорт*»¹⁸, где она зарегистрировалась сегодня утром.

Приезжаю сюда заранее, чтобы успеть занять место в маленькой подковообразной кабинке в самом дальнем углу. Она окружена раскидистыми пальмами в кадках, создающими некое подобие уединения. Это неплохо, если учесть, что я понятия не имею, чем закончится воссоединение.

Усевшись, окидываю взглядом зал почти исключительно из розового мрамора с латунной отделкой. Он был построен так, чтобы потрафить богатым *turistas*. Но это не единственная подсказка, говорящая мне о финансовом положении мисс Гэбби. Я не знаю, чем именно она зарабатывает на жизнь, но что бы это ни было, она может взять отпуск в любой момент, без предупреждения. Быть может, она вообще не работает? Возможно, она замужем и у нее есть дети. Возможно, она врач. А может, она выиграла в лотерею. А может...

Мои лихорадочные догадки резко обрываются, когда в арку, обрамленную пальмами, входит миниатюрная девушка с длинными волнистыми волосами и окидывает зал взглядом, словно в поисках кого-то. Она ищет глазами *меня*. Я нерешительно поднимаю руку, и, упершись в меня, ее взгляд останавливается. Ловлю себя на том, что я затаила дыхание, пока она, лавируя между столиками, идет в тот угол, где я поджидаю ее.

Пятьдесят футов. Двадцать футов. Десять...

– Э-э-э... Исабель Руис? – с сомнением в голосе спрашивает она.

Смотрю в ее глаза, и, ей-богу, на долю секунды мое сердце замирает. Они подтверждают то, что я знала с самого начала, – и это приносит мне несказанное облегчение. Ошибки тут быть не может – в центре радужек, вокруг зрачков, глаза бирюзовые, затем цвет становится небесно-голубым, затем синим, и, наконец, внешние края радужек обрамлены темно-кобальтовым оттенком.

Это ее глаза, глаза Марианы. А до нее такими были глаза нашей матери.

– Э-э... да... привет... – неопределенно выдавливаю я, потрясенно глядя на нее. – Привет, Гэбби.

¹⁸ *La Playa Blanca Resort* – «Курортная гостиница „Белый пляж“» (исп. – англ.).

Наверное, было бы слишком странно наклониться над ней и понюхать ее волосы? Или провести пальцами по этим длинным распущенным кудрям? Честное слово – я до сих пор помню запах ее волос и их шелковистость. Интересно, пахнут ли они так же и сейчас? И, если я прикоснусь к одной из этих волнистых прядей, будет ли мое ощущение от этого прикосновения таким же, как все эти годы назад, когда я держала ее на руках и укачивала ее?

Мысли, путаясь, крутятся в моей голове, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы понюхать и потрогать ее. Потому что мне хочется не просто вдохнуть запах ее волос и проверить, насколько они шелковисты, – больше всего я хочу взобраться на этот стол, затащить ее и вместе с ней пуститься в пляс прямо посреди этого шикарного бара.

– С тобой... все в порядке? – с беспокойством спрашивает она, заставив меня подумать о том, что она может видеть на моем лице.

– Что? О да... извини... просто ты... – Я делаю паузу, чтобы привести в порядок мысли и выражение лица. – Я просто очень рада встретиться с тобой, Гэбби, – искренне говорю я. – Садись, – добавляю я, заметив официанта. – Выпьешь что-нибудь? – спрашиваю, уже подняв руку, чтобы привлечь его внимание. – Эй, я хочу выпить...

– Э-э-э... да, само собой... – отвечает она, взглянув на часы, и садится на диван напротив меня.

Надо отдать ему должное, официант подходит к нашему столику мгновенно.

– Привет, дамы, меня зовут Хавьер, – говорит он, разглядывая мою спутницу с некоторым интересом. – Сегодня наши фирменные напитки – это...

– Мне, пожалуйста, просто виски с кокосовым молоком, – перебиваю я Хавьера, не дав ему закончить. – Две порции.

– Виски с кокосовым молоком, – без всякого выражения повторяет официант, и я понимаю, что он уже распознал во мне местную жительницу. Однако Гэбби другое дело... – А что принести вам, сеньорита? – осведомляется он, включив обаяние на полную мощность.

Закатываю глаза и даже не пытаюсь это скрыть. Я видела таких малых не раз – они подлизываются к туристам в надежде на чаевые... причем, возможно, и не в денежной форме.

– Принесите мне, пожалуйста, ваше белое вино совиньон, – отвечает она с вежливой улыбкой. Парень мешкает, словно надеясь, что она подмигнет ему, или сообщит номер своей комнаты, или что-нибудь еще в этом же роде. Как бы не так! Я уже готова сказать ему, чтобы он отвалил, когда она демонстрирует, что и сама может за себя постоять: – Простите, вам нужно что-то еще? Может, вы ждете, чтобы я предъявила вам мое удостоверение личности?

Думаю, Хавьер привык к тому, что девушки ведутся на его обаяние или, по крайней мере, строят ему глазки. Явно смущенный, он что-то мямлит в ответ и быстро ретируется. Я не виню его за попытку пофлиртовать, потому что Габриэлла Ди Марко и впрямь очень красива. Даже я не могу отвести от нее глаз – любуюсь каждой ее чертой, каждым изгибом. Стараюсь запомнить каждую деталь, но, что еще важнее, тшусь подметить что-нибудь, что показало бы мне, что она меня узнала.

Конечно же, это нелепо. Мариане было всего семь месяцев, когда я видела ее последний раз. Она никак не могла запомнить ничего из того периода своей жизни. Разве не так? Тогда откуда этот укол разочарования? Почему мне больно осознавать, что она не чувствует того, что чувствую я? Не ощущает этой мгновенно возникшей между нами связи, этого притяжения.

Секунду мы неловко пялимся друг на друга, затем решаем заговорить. И делаем это одновременно.

– Итак...

– Итак...

Мы обе замолкаем, как бы уступая друг другу право заговорить первой. А затем все повторяется.

– Я просто хотела сказать...

– Я хотела спросить...

Она начинает хихикать, и я не могу удержаться от того же. В конце концов я показываю на себя, давая понять, что собираюсь что-то сказать. Она согласно кивает.

– Чем ты занимаешься, Гэбби? Я имею в виду, в смысле работы?

Она немного расслабляется, вероятно, почувствовав облегчение от того, что на этот вопрос нетрудно дать ответ.

– Я э-э-э... работаю в журнале. В журнале «Флюкс». Ты знаешь такой?

– Конечно, – отвечаю я, с энтузиазмом кивая. – Я всякий раз читаю его, когда стою в очереди в кассу. Ты пишешь для него статьи? – Я впечатлена.

– Нет, не совсем. Я специалист по проверке фактов... – Сказав это, она поспешно добавляет: – Но когда-нибудь я надеюсь и сама начать писать. Эта работа для меня всего лишь первый шаг в карьере.

– Специалист по проверке фактов? – Кажется, я никогда о таком не слыхала. – А какого рода факты ты проверяешь?

Она пожимает плечами.

– Ну, я удостоверяюсь в том, что все источники – те люди, которых мы цитируем в той или иной статье или чью информацию используем, – действительно существуют и что их слова переданы верно. Я проверяю сведения об упомянутых в статьях датах и местах, удостоверяюсь в том, что все то, что написано о тех или иных людях и местах, соответствует действительности. Это вопрос ответственной журналистики, ты меня понимаешь? Никаких фейковых новостей или альтернативных фактов. Ничего такого, из-за чего на журнал могли бы подать в суд...

Ее голос и объяснения смолкают, как будто она считает, что то, что она говорит о своей работе, звучит неубедительно. Но это не так.

– Ух ты, это действительно важно, – говорю я и вижу, как она немного оживляется, так что продолжаю развивать эту тему: – Я хочу сказать, что существует так много сомнительных или предвзятых репортажей, что иногда трудно понять, чему верить. Ты проверяешь факты, чтобы этого не приходилось делать читателям... да, я никогда прежде не думала об этом, но думаю, это правильно и разумно. Необходимо, чтобы читатели считали «Флюкс» источником информации, заслуживающим доверия. И все это благодаря тебе.

Ее щеки немного розовеют, но я не могу определить, хорошо это или нет. Может, я сказала что-то обидное для нее или переступила границы дозволенного? Но моя неуверенность улетучивается, когда она заговаривает снова.

– Да, верно... спасибо тебе. Э-э-э... да. Это отличная мысль, спасибо, – повторяет она, затем улыбается немного робкой улыбкой и признается: – Большинство людей этого не понимают. Как я уже говорила, я планирую стать журналистом, начать писать самой, но...

– Но первым шагом в твоей карьере стала вот эта твоя работа, – договариваю я за нее и энергично киваю в знак согласия. – Думаю, это хороший план. Очень хороший.

Она откидывается на спинку обитого кожей дивана, и я слышу вздох облегчения. Отлично, она стала чувствовать себя в моем обществе чуть более комфортно. Достаточно комфортно, чтобы перейти к расспросам.

– А как насчет тебя? Чем занимаешься ты?

– Я? О, расписываю ногти.

– Ногти? Выходит, ты мастер по маникюру?

Я рада, что в ее вопросе не звучит ничего похожего на порицание.

– Ну, в каком-то смысле. Я специализируюсь на дизайне ногтей, на расписывании их с помощью аэрографа и работы кистью. Туристы любят такие вещи, и у меня бывает множество клиенток, когда они прибывают сюда на круизных лайнерах и сходят на берег, чтобы отправиться на экскурсию.

Я протягиваю руки, чтобы показать ей образцы моего искусства – то, что я демонстрирую потенциальным клиенткам: изображения ананасов, лягушек, пальм и даже бокала с коктейлем «пина колада» и крошечным розовым зонтиком над ним.

– Ничего себе! – изумляется она, и, когда берет мою руку, чтобы рассмотреть рисунки получше, я вдруг чувствую, как все мое тело пронизывает электрический разряд.

Мне кажется, что я вижу, как на ее лице мелькает что-то такое – как будто она тоже чувствует это. Но она прочищает горло и резко отпускает мою руку.

– Э-э-э... да... это очень красиво...

– Спасибо, – киваю я.

– И ты зарабатываешь этим на жизнь? – Когда она слышит свой собственный вопрос, ее щеки начинают заливаться румянцем. – Прости, Исабель, это не мое дело...

– Тебе не за что извиняться, – заверяю я, взмахнув рукой. Ее вопрос ничуть не удивляет меня. – Да, и зарабатываю неплохо. К тому же у Матео – моего мужа – хорошая работа.

– Понятно. Что ж, это прекрасно.

– А ты?

– Я? О да. Я зарабатываю достаточно. Во всяком случае, по меркам Нью-Йорка...

Я качаю головой.

– Нет, я не об этом... Я... я хотела спросить... у тебя есть спутник жизни? – наконец формулирую вопрос.

– А, понятно, – быстро отвечает она. – Нет... у меня нет спутника жизни. Я имею в виду...

Прежде чем она успевает договорить свою мысль, возвращается Хавьер, неся небольшой поднос.

– Дамы, я принес ваши напитки, – бормочет он и ставит на стол сначала вино, а затем две порции моего коктейля.

Слава богу.

Это невыносимо. И захватывающе. И ужасно. Причем все это одновременно. И спиртное – одна из тех немногих вещей, которая способна помочь мне справиться со всеми этими чувствами – причем быстро. Поэтому беру бокал и опрокидываю в себя янтарную жидкость еще до того, как Хавьер успевает отойти от нашего столика. Виски приятно обжигает горло, затем стекает вниз, тепло распространяется по груди до самых глубин моего организма; когда жидкость попадает в кровь, мои щеки заливает румянец.

– Итак, Гэбби, сдается мне, тебе в твоей жизни приходилось сталкиваться с какими-то красными флажками, тревожными сигналами – с чем-то, что не имело смысла или казалось подозрительным. Ведь в конце концов, двадцать пять лет – это немалый срок для того, чтобы быть в неведении, кто ты есть на самом деле.

Глава 9

Гэбби

Наши дни

Я давлюсь своим вином. Оно обжигает мое горло, жжет, стекая по пищеводу, заставляет меня кашлять. Прижимаю ко рту льняную салфетку и вскидываю другую руку в жесте, говорящем: «Погоди».

Черт побери, эта женщина не теряет времени, когда наносит удар.

– Сеньорита... – Официант подбегает ко мне с высоким стаканом ледяной воды.

Я хватаю стакан с благодарностью и делаю большой глоток. Вода со льдом одновременно унимает мой кашель и дает несколько секунд передышки, чтобы спрятаться от сверлящего взгляда Исабель.

– Спасибо, Хавьер, – выдавливаю я. – Всё в порядке. Честное слово...

Судя по его виду, официант не очень-то этому верит.

Когда он уходит, я откашливаюсь, выпиваю еще немного воды и теперь уже сама пристально вглядываюсь в лицо женщины, сидящей напротив меня. Мне нужно какое-то время, чтобы разобраться, и, если я не буду контролировать свои эмоции, они очень легко могут вырваться на волю.

Между нами однозначно возникла какая-то связь – но какая именно, я не знаю. Возможно, это просто дружеское расположение и больше ничего. Но также вполне возможно, что я придаю слишком большое значение всему тому, что происходит в данный момент, потому что хочу, чтобы это оказалось... чем-то особенным. Но чем именно? Я этого не знаю. Дружкой? Захватывающей историей, о которой я не смогу не написать?

Семьей?

Нет. Я немедленно отбрасываю эту мысль.

У меня есть семья.

У меня *была* семья.

Кашляю еще несколько раз, прежде чем опять возобновить разговор.

– Извини. Так о чем ты говорила? – Мой голос все еще хрипит.

– Я спрашивала, не возникали ли у тебя когда-либо подозрения, что ты не та, кем всегда себя считала? Было ли что-то, вызывающее у тебя сомнения, или, может, какие-либо нестыковки в документах?

Она говорит об этом так же, как говорил Макс. Но теперь, когда она спрашивает меня во второй раз, мне становится ясно, откуда взялись ее вопросы. Исабель никого не обвиняет... она просто хочет узнать правду – и надеется, что, возможно, я помогу ей разгадать тайну исчезновения ее младшей сестренки двадцать пять лет назад. Кто-то из нас в самом деле должен предъявить этим идиотам из «ГенТим» иск за всю эту чертову хренотень!

Решаю уйти от ее вопроса и направляю разговор в другое русло.

– Все это... такой бред. Я имею в виду, что это связано с моей работой. Мы все отправили «ГенТим» образцы своих ДНК... Я согласилась участвовать в этом только потому, что надеялась найти живущих где-то дальних родственников, кузена или кузину...

– О, их у тебя пруд пруди, – отвечает она, прежде чем сделать еще один большой глоток из своего бокала.

Я выпрямляюсь, чтобы выглядеть немного более уверенной. Я хочу выразить ей сочувствие – потому что и впрямь испытываю сочувствие к ней, – но мне также необходимо проявить твердость, чтобы развеять ее заблуждение о том, что мы сестры.

Делаю глубокий вдох, наклоняюсь через стол и стараюсь придать своему голосу самый мягкий тон, какой только могу.

– Исабель, мне правда очень, очень жаль, что ты потеряла свою сестру. То, что произошло с Марианой, было... это было трагедией. И я не могу даже представить, через какой ад после этого пришлось пройти тебе и твоей семье. Но... – *Давай, Гэбби, скажи ей это наконец.* – Но я не она. Не может быть, чтобы я была ею. Я хочу сказать, что много об этом думала – что я искала какие-то «красные флажки», о которых ты толкуешь, но клянусь тебе, что не нашла ничего... вообще ничего.

Она вскидывает одну бровь.

– В самом деле? Что ж, ученые-генетики придерживаются другого мнения на этот счет.

Я ожидала потрясения или, быть может, разочарования. Но сарказм? Нет, этого я не ожидала. Подозреваю, что эту эмоцию ей внушил второй стакан крепкого коктейля, который она сейчас потягивает.

– Но ученые тоже могут допускать ошибки, – сообщаю я, пытаюсь звучать дипломатично. – Это случается нечасто, но все же бывает.

– Никакой ошибки тут нет, – сообщает она, как будто в камне высекает. – Я взяла тебя на руки сразу после того, как ты родилась. И смотрела в твои глаза каждую секунду твоей жизни, пока ты не пропала. Я знала тебя до того, как ты сама осознала себя. И хочешь ты услышать это или нет, Гэбби Ди Марко, при рождении ты была Марианой Руис.

Я чувствую укол раздражения.

– Но ты же не знаешь меня, – хладнокровно отвечаю я. – Иначе ты бы знала, что мои родители – Мак и Люси Ди Марко – были не способны совершить то, на что ты намекаешь. Потому что именно на это ты намекаешь, да? На то, что мои родители – люди, которых я любила больше всех на свете, – были похитителями?

Теперь уже она пытается придать своему голосу ровный тон.

– Гэбби, я понимаю, что ты можешь этому верить...

– Верить? – недоверчиво повторяю я, говоря немного громче, чем собиралась. – Да ведь это *неопровержимый факт*. У меня есть свидетельство о рождении, доказывающее это!

Она пожимает плечами, нисколько не поколебавшись.

– Свидетельство о рождении можно подделать. Это случается сплошь и рядом.

Я невольно вскидываю руки к потолку.

– Ты что, действительно не хочешь даже *допустить* возможность того, что в лаборатории облажались?

– Нет, – спокойно отвечает она. – Я этого не допускаю. Только не теперь, когда увидела тебя. Ты просто не можешь быть никем другим. Только не с этими твоими глазами. У тебя ее глаза.

– О чем ты? Чьи глаза? – вопрошаю я, раздражаясь все больше, меж тем как она, похоже, остается совершенно невозмутимой.

– Глаза нашей матери. У тебя точно такие же глаза, какие были у нее. Она умерла, рожая тебя...

Ну уж нет, это уже слишком. Я должна остановить этот бред прежде, чем она зайдет еще дальше.

– Мне очень жаль, – шепчу я, – мне очень жаль, Исабель, но я точно не Мариана! И я не знаю, как убедить тебя в этом. Мои родители – мои *настоящие* родители – не были преступниками. ДНК или не ДНК, нет *ничего*, что ты могла бы сказать, что когда-либо убедит меня в обратном.

Какое-то время мои слова висят между нами. Затем, к моему удивлению, Исабель откидывается на спинку своего дивана и улыбается.

– Стало быть, ты согласна с тем, что наши профили ДНК могут совпадать.

– Нет, – отвечаю я, твердо глядя ей в глаза.

– Тогда зачем тебе вообще понадобилось являться сюда? – с любопытством спрашивает она, как будто ей хочется узнать, почему я предпочитаю шоколадное мороженое ванильному.

Я не хотела говорить об этом сразу, но, похоже, теперь у меня нет выбора.

– Ну хорошо, просто я считаю, что тут есть хороший сюжет для моего журнала. Или для какого-то другого. Я уверена, что в нашем случае «ГенТим» капитально облажалась, и теперь из-за простой ошибки в их лаборатории и твоя, и моя жизнь оказались перевернуты с ног на голову. И, если принять во внимание историю с исчезновением твоей сестры и всем тем, что за этим последовало, такая халатность кажется мне особенно возмутительной, даже жестокой.

Напрягаюсь, готовая к взрыву... но его нет. Вместо этого Исабель Руис просто смотрит на меня с противоположной стороны барной кабинки.

– И это все? Ты явилась сюда только затем, чтобы взять у меня интервью для статьи, которую ты хочешь написать?

– Нет, речь идет не просто о статье. Я хочу рассказать твою историю...

– Это также и твоя история, – замечает она. – Верно это или неверно, тебя тоже засосало в этот водоворот.

– Ну да, ясен пень. Поэтому я и прилетела сюда.

Она склоняет голову набок.

– В самом деле?

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу спросить, в самом ли деле ты явилась сюда только за этим? Потому что, по моему, дело тут в чем-то большем, чем возможность написать статью для какого-то известного журнала. Но в чем именно?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Мне кажется, что, возможно, ребята в «ГенТим» просто что-то напутали с процентами совпадения наших ДНК. И я даже могу допустить, что мы с тобой приходимся друг другу какой-то дальней родней. По правде говоря, я и в самом деле хотела бы установить связь с любыми своими родственниками, какие у меня только могут быть. Как-то так... – Она кивает, как будто это вполне логично. – И... поэтому... мне бы хотелось, чтобы мы прошли еще один тест ДНК. Здесь, в Пуэрто-Рико.

Ну вот, я высказала это вслух. И теперь, затаив дыхание, жду ее ответа. Мне не приходится ждать долго, прежде чем Исабель слегка хмурит брови и шурит глаза.

– Мы уже прошли тест, – напоминает она, не в силах скрыть раздражение. – Но ты, похоже, не веришь его результатам. Так какой смысл в том, чтобы проводить еще один такой тест?

– Нет, мы прошли *генеалогический* тест, давший нам совпадение нашего генетического материала, которое может быть верным, а может и не быть таковым. Поэтому я предлагаю, чтобы мы прошли настоящий тест ДНК. В лаборатории, находящейся здесь, в Пуэрто-Рико. И чтобы в нем участвовали только ты и я. Они сравнят образцы наших ДНК и скажут нам правду раз и навсегда.

Пристально смотрю на нее, пока она обдумывает мое предложение. Между нею и мной и впрямь есть некоторое сходство. Но ничего такого, что было бы так очевидно, чтобы заставить бы меня остановиться, встретить я ее на Бродвее. У нас обеих темные волосы и светлая кожа, но у меня глаза голубые, а у нее карие. И в то время как я миниатюрна, она высока и длиннонога. Более того, вглядываясь в черты ее лица, я не нахожу в них ничего, что можно было бы расценить как бесспорное доказательство нашего с ней родства.

Наконец через несколько долгих секунд, в течение которых мы обе пялимся друг на друга, она пожимает плечами.

– Хорошо. Мы найдем лабораторию...

– Я ее уже нашла, – тихо говорю я. – Она отсюда недалеко. Мы могли бы дойти туда пешком.

Ее темные брови взлетают вверх.

– Прямо отсюда? – Она тычет указательным пальцем в столешницу нашего стола. – Ты хочешь сделать это сейчас? Прямо сейчас?

Я тоже пожимаю плечами.

– Чем раньше мы это сделаем, тем скорее узнаем все наверняка.

– О, Гэбби Ди Марко, – бормочет она, обреченно вздохнув и покачав головой. – Ты вообще ничего не понимаешь. Но скоро ты все поймешь. – Прежде чем я успеваю ответить, она поднимает свой бокал. – Я пью за правду, – говорит она. – Которая никогда не бывает настолько черной или настолько белой, как ты ожидаешь.

Я тоже поднимаю свой бокал и чокаюсь с ней, что, похоже, удивляет ее.

– Я тоже хочу выпить за правду.

* * *

Грег – так зовут техника-лаборанта – с энтузиазмом проводит чертовски длинными ватными палочками по внутренней поверхности наших щек и засовывает палочки в заполненные жидкостью пробирки. Затем печатает для каждой из них этикетки и просит нас подписать свою пробирку с образцом ДНК. Кажется, Исабель немного протрезвела за время нашей короткой прогулки по городу до этой крошечной лаборатории, находящейся на втором этаже здания в нескольких кварталах от главной улицы города.

Я так рада, что отыскала это место до того, как вылетела сюда. У Исабель не было времени, чтобы найти отмазку от прохождения этого теста – что она наверняка бы сделала, если бы знала об этом заранее. Понятия не имею, чего именно она добивается, но чем больше времени я провожу в компании этой женщины, тем больше уверяюсь в том, что в лаборатории «Ген-Тим» была допущена ошибка. Когда я вернусь в свой номер в отеле, надо будет прочитать, что эта компания написала в примечании, набранном мелким шрифтом на их веб-сайте. Не подписала ли я что-то, что помешало бы мне подать на них в суд за причинение мне морального вреда? Потому что они точно мне его причинили.

– Это все, дамы, больше мне ничего от вас не нужно, – объявляет лаборант, сдвинув очки с переносицы на лоб.

– Отлично, спасибо. В какое время завтра мы сможем узнать результат? Мне бы хотелось успеть на вечерний рейс до Нью-Йорка.

Исабель бросает на меня удивленный взгляд, но ничего не говорит.

Коротышка-лаборант встревоженно хмурит брови.

– О, мисс, простите, но на обработку этого анализа уйдет по меньшей мере пять дней – а может, и вся неделя...

– Что? – Теперь удивляюсь уже я. И раздражаюсь. – На вашем сайте говорится, что вы можете провести анализ ДНК менее чем за двадцать четыре часа.

Он явно смущен.

– О, дело в том, что наш веб-сайт давно не обновлялся. После последнего урагана нам приходится отправлять результаты тестов в лабораторию в Майами...

– В Майами? – чуть ли не кричу я. – В Майами, *Флорида*?

– Нет, Огайо, – бормочет Исабель, стоящая рядом со мной.

– Простите, мне очень жаль. Я могу попросить, чтобы они там поторопились с обработкой, но их лаборатория сейчас и так перегружена...

– У вас есть мой номер телефона? – спрашиваю я.

– Да...

– Отлично. Пожалуйста, позвоните мне, как только получите результаты.

– Да, да, конечно...

Исабель хихикает.

– Что тут смешного? – рявкаю я.

Она пожимает плечами, совершенно не беспокоясь о том, что я все больше и больше злюсь.

– Ничего... просто, хотя ты верифицируешь все имеющиеся факты, ты не дала себе труда позвонить и проверить сроки проведения этой процедуры...

Я бросаю на нее сердитый взгляд и спускаюсь по скрипучей лестнице, ведущей на улицу.

– О, Гэбби, перестань, – кричит она мне вслед. – Все могло быть и хуже. Что за беда, если тебе придется задержаться немного дольше. Пуэрто-Рико прекрасен...

– Это я понимаю! – со злостью рычу в ответ, когда мы вновь оказываемся на улице, мощенной булыжником. – Я просто надеялась... Я просто хотела поставить в этом деле точку и продолжить мою жизнь.

На ее лице отражается недоумение.

– Поставить точку? В каком смысле?

– Ну, ты понимаешь, точку, как в конце предложения. Я хочу оставить прошлое в прошлом и жить дальше.

– Ты можешь поставить точку в этом деле и через пять или семь дней, – говорит Исабель. – Не все ли тебе равно, когда это произойдет? На несколько дней ты оказалась в раю, так почему бы тебе не воспользоваться этим по максимуму?

Она права. Мне необходимо увидеть результаты этого теста своими собственными глазами – и одновременно с ней, чтобы быть уверенной, что тут нет никакого надувательства. Разумеется, я и так знаю, что покажут результаты. Я не Мариана Руис. Этого просто не может быть. И все же часть меня надеется, что между нами существует какая-то родственная связь – пусть даже мы с ней связаны и отдаленно. Я хочу сказать, не такая уж она неприятная личность. При других обстоятельствах мы с ней могли бы быть подругами. Так что у меня есть два варианта на выбор – я могу просидеть все это время на пляже, ожидая результатов... или заняться тем, что умею делать так хорошо. Тем, чем мне предложила заняться Фрэнни, – сбором фактов.

Останавливаюсь и поворачиваюсь к ней с лучезарной улыбкой.

– Знаешь что, Исабель? Ты права. Я действительно собираюсь остаться здесь до конца этой недели.

– Отлично, – отвечает она. – Давай я покажу тебе наш остров...

Она осекается, когда я качаю головой.

– Нет, боюсь, у меня не будет времени для осмотра достопримечательностей. Мне придется изрядно побегать, чтобы подготовить материал для статьи – чтобы провести расследование и поговорить с теми, кто был причастен к этому делу.

– Причастен к чему? – медленно спрашивает она.

– К исчезновению твоей сестры. Я собираюсь посмотреть, удастся ли мне выяснить, что произошло с Марианой, – сообщаю я. – С *настоящей* Марианой.

Она смотрит на меня так, будто на лбу у меня вырос сверкающий рог, как у единорога.

– Что? Ты это серьезно?

– Да, вполне. Я собираюсь сделать это ради того материала, который напишу... и ради тебя.

– Что-что? Ради меня? – Она вскидывает ладони и фыркает. – Я не нуждаюсь в том, чтобы ты играла ради меня в Шерлока Холмса. Я и так уже знаю, где находится моя сестра Мариана. Она прямо передо мной.

– А, ну да, мне жаль, но ты все понимаешь превратно. Так что я планирую выяснить факты. Потому что факты всегда ведут к правде, Исабель.

И, нравится ей это или нет, правда в любом случае выйдет наружу.

Глава 10

Мигель

Тот день

Детектив Мигель Альварес смотрел на сгорбленного и рыдающего человека, сидящего перед ним, на мерзкую развалину, от которого разило затхлыми окурками и дешевым пивом. Не то чтобы вид этого мужчины был необычным для Ла Перлы. Что было действительно необычным, так это то, что он, Мигель, вообще присутствовал здесь воскресным утром. Ведь жители этого района делали все, чтобы не пускать *la policia*¹⁹. Собственно говоря, между жителями Ла Перлы и полицейскими существовало молчаливое соглашение – пока никто не мешал притоку *los turistas*, наркодилеры могли продолжать продавать наркотики, проститутки могли зазывать клиентов, а уличные грабители могли грабить. При условии, что все это оставалось в границах *La Muralla*²⁰ – осыпающейся четырехсотлетней стены, отделяющей Ла Перлу от старой части Сан-Хуана.

Мигель понимал, что в конце концов настанет момент, когда все это больше нельзя будет терпеть, – это только вопрос времени. Рано или поздно произойдет нечто настолько ужасное, что весь остров всколыхнется, и после этого уже не будет пути назад. Но пока что еще никто не переступил черту, так что Ла Перла продолжала жить по своим законам.

Кое-что, однако, случилось. И тот факт, что теперь он сидел здесь, в «Эль гальо рохо», по просьбе хозяйки этого бара Беатрис Родригес, со всей очевидностью показывал, что маленькая замкнутая община уже перепробовала все возможные меры, чтобы разыскать пропавшего ребенка, но зашла в тупик. Что ситуация стала достаточно серьезной для того, чтобы оправдать приглашение в Ла Перлу копа. И для того, чтобы коп принял это приглашение.

Никто из тех, кто здесь живет, не мог похитить маленькую Мариану Руис – это было ясно. Потому что, хотя в Ла Перле многое могло сойти с рук, это не включало в себя нанесение вреда ребенку. Если бы это совершил кто-то из местных жителей – или даже кто-то из постоянных клиентов местных поставщиков пороков, – то Мигель расследовал бы сейчас не пропажу ребенка, а убийство.

– Хорошо, Альберто, давай попробуем еще раз. Что ты помнишь о вчерашнем дне?

Отец пропавшей девочки так и не смог дать ему сколько-нибудь полезной информации. Сейчас он сидел и рыдал, уронив голову на руки. Немного спиртного помогло бы справиться с похмельем. И точно излечило бы от дрожи, сотрясавшей все тело, но Мигель не собирался его поить.

Насколько удалось установить, Альберто Руис пришел накануне в бар, чтобы, вероятно, раздобыть немного дури. Пришел не один, а со своей семимесячной дочерью в прогулочной коляске. То, что он взял девочку с собой, детектива не удивило, и если уж на то пошло, он был довольно высокого мнения об этом парне, раз тот не оставил малышку дома без присмотра. По крайней мере он проявил заботу о ее благополучии – и все то время, пока он, Мигель, находился в этом баре, продолжал горько и надрывно рыдать.

– Он ничего не помнит, – мрачно сообщила Беатрис. – Я могу сказать тебе, что он явился сюда вместе с Марианой – и сказал, что ему надо с кем-то встретиться.

– Он с кем-то говорил в баре?

¹⁹ Полиция (исп.).

²⁰ Стена (исп.).

– Нет, но... – Беатрис замолкла, взглянув на Альберто. Похоже, тот даже не осознавал того, что они говорят о нем. – Знаешь, я почти уверена, что это имело какое-то отношение к Сантьяго, – сказала барменша, понизив голос, чтобы ее мог слышать только Мигель.

Мигелю не было нужды спрашивать фамилию этого Сантьяго – он и так отлично знал, кто это. И знал, на что способен Сантьяго, особенно когда речь шла о тех, кто должен ему деньги.

– Альберто, – сказал он, немного повысив голос, чтобы попытаться пробиться сквозь туман горя и вины потерявшего ребенка отца. – Альберто, вчера вечером ты встречался с кем-то из людей Сантьяго?

Мужчина с несчастным видом кивнул, даже не потрудившись оторвать голову от ладоней.

– *Oye, amigo, mírame*²¹, – уже более сурово приказал Мигель.

Альберто сделал усилие и посмотрел на него.

– *Mija esta desaparecida*²², – шепнул он.

Мигель вздохнул и положил ладонь ему на спину.

– Я знаю. Я знаю, что твоя дочь пропала. Поэтому я здесь. Скажи, ты должен Сантьяго деньги? Это и заставило тебя прийти сюда?

Мужчина долго молчал, затем наконец кивнул.

– *Sí*²³. Я должен ему много денег... После того как умерла моя Росарио, мне нужны были деньги, чтобы похоронить ее. И ребенку столько всего нужно. А я не могу... – Его голос пресекся, снова перейдя в рыдания. – Я не могу прожить неделю без...

Он не закончил предложение, но Мигелю это и не нужно было. Он уже встречался с Альберто несколько месяцев назад – хотя тот наверняка не помнил этого. Жена Мигеля, Ильда, училась в школе вместе с Росарио Руис, которая тогда звалась Росарио Чавес, и он, Мигель, сопровождал ее, когда она пошла на похороны молодой матери после того, как та умерла во вторых родах.

У Альберто тогда был ошалелый вид – как будто он пробудился от какого-то прекрасного сна и обнаружил, что его жизнь превратилась в кошмар наяву. Теперь, семь месяцев спустя, он был худ и бледен, с запавшими глазами. Это были глаза человека, так отчаянно желающего избавиться от призраков, неотступно преследующих его, что он готов был сделать все что угодно, сказать все что угодно, отдать что угодно, лишь бы спастись от них хотя бы ненадолго.

Отдать что угодно...

Был ли он настолько доведен до отчаяния, что отдал своего собственного ребенка?

– Альберто... – начал Мигель, говоря медленно и тихо. – Может ли быть, что ты... сделал что-то с Марианой? Что-то, чего ты не помнишь?

А может, что-то, что ты помнишь, но боишься сказать вслух?

Глаза Альберто раскрылись шире, лицо побледнело еще больше. Он достал что-то из кармана и положил на барную стойку. Затем оттолкнулся от нее с такой силой и так быстро, что барный стул, на котором он сидел, опрокинулся и проскользил несколько футов по липкому бетонному полу. Несколько секунд спустя Мигель услышал, как мужчина блюет в переулке за баром.

Он взглянул на вещицу, лежащую на барной стойке, – это был крошечный розовый носок.

²¹ Послушай, приятель, посмотри на меня (*исп.*).

²² Моя дочь пропала (*исп.*).

²³ Да (*исп.*).

Глава 11

Исабель

Наши дни

Матео отвечает после первого же гудка.

– ¿*Bueno?* – с нетерпением спрашивает он. – Ну что?

– В каком смысле *ну что?* – повторяю я его вопрос более раздраженно, чем намеревалась.

– Ну что, это она?

Насмешливо фыркаю.

– Я несколько в этом не сомневаюсь.

– Ага, стало быть, сама она в этом не убеждена.

– Матео, она настояла на проведении своего *собственного* теста ДНК, в котором участвовали только она и я. Она записала нас на него, позвонив в лабораторию здесь, в Сан-Хуане, еще до того, как выехала из дома!

– И ты пошла на это?

Мой муж несколько не удивлен тем, что она потребовала проведения этого теста – он удивлен тем, что я согласилась пройти его.

– А что еще я могла сделать? – со злостью шиплю я, сидя в машине, которая припаркована перед Управлением полиции Сан-Хуана.

– Хорошо, хорошо, – кивает мой муж, и я так и вижу, как он вскидывает ладони в примирительном жесте, словно говоря мне: «Пожалуйста, успокойся». – Ну и что теперь?

– Понятия не имею. Она что-то говорила об установлении фактов... ах да – потому что она «специалист по проверке фактов». Это вроде как ее работа.

– Как это?

– Она занимается подтверждением фактов для журнальных статей.

– Ah, sí, claro²⁴. В новостях в отношении политиков это делают все время. Чтобы проверить, кто из них врет, а кто говорит правду. Ясно, значит, она занимается расследованиями. Но, Исабель, это совсем не плохо. Я хочу сказать, что придут результаты ваших тестов ДНК и подтвердят то, что ты и так уже знаешь, – что она твоя сестра. Но они не скажут тебе, что произошло в тот день. Хочешь услышать мой совет? Не мешай ей расследовать – пусть она расследует это дело сколько ей угодно. Возможно, она раскопает то, чего не смог обнаружить никто другой.

Я обдумываю его слова, не желая подавлять свое раздражение, но понимая, что он прав.

– Я просто... – Вздыхаю, потираю переносицу, и мой тон смягчается: теперь в нем звучит не досада, а разочарование. – Я хотела, чтобы она осознала это сразу. Как я сама... просто знаю это, и все. Я хотела, чтобы она *почувствовала* эту связь между нами, даже если она и не может помнить, что я ее сестра.

Его голос тоже становится мягче, когда он отвечает:

– Я тебя понимаю. Но ты должна помнить – ты всю свою жизнь искала человека, который даже не подозревал, что его потеряли. Нельзя ожидать, что она будет рада тому, что рядом с ней появилась ты и сообщила, что те единственные родители, которых она знала, преступники. Ведь они были ее *родителями*. А ты для нее все еще просто чужая женщина.

– Но это так неправильно, так несправедливо! – хнычу я, как обиженный ребенок. – Я ее *родная сестра*! Она должна быть зла на этих... на этих самозванцев, которые украли ее у настоящей семьи!

²⁴ А, да, конечно (*исп.*).

– Послушай, детка, я понимаю, что для тебя это тяжело, но ты должна действовать осторожно. Она должна сама прийти к выводу, что она Мариана Руис. Именно сама. Только тогда она сможет этому поверить. Так что дай ей сделать то, что ей необходимо сделать. И помоги ей, если она позволит тебе помогать. Ты же знаешь правду, знаешь, что она твоя сестра, верно?

У меня уходит некоторое время, чтобы принять это, но в конце концов я нехотя соглашаюсь:

– Да, верно.

– Вот и хорошо. Так что будь с ней терпеливой и дай ей самой прийти к этому выводу. У тебя было много времени, чтобы смириться с этим. А у нее, можно сказать, было для этого всего пять минут. Дай ей время, и она все поймет.

– Ты действительно так думаешь? – спрашиваю я, слыша, как смягчился мой тон, – но слыша также и звучащий в нем гнев.

– Да.

Внезапно мне хочется заплакать. Черт возьми! Я знаю эту девушку менее полутора часов, а у меня уже произошел эмоциональный всплеск.

– Просто... я так рада, – тихо признаюсь я. – Матео, она была здесь, передо мной, после стольких лет! Мне просто хочется крепко обнять ее, прижать к себе и заплакать, проделать все эти девчачьи вещи, которые делают сестры. Те вещи, которые мы никогда не имели возможности сделать.

– Да, я понимаю – но, Исабель, речь ведь не идет о том, что у тебя *вообще* никогда не было подобных отношений. Я знаю, у тебя было не самое лучшее детство, но ведь в нем были не только паршивые, но и хорошие моменты, – напоминает он мне. – У тебя есть кузины, твои тетя и дядя, твоя бабушка...

Я снова вздыхаю, чувствуя, как мой пульс становится чуть менее частым. Никто не может успокоить меня, заставить отойти от опасной грани так, как это удается Матео.

– Ты прав.

– Знаю.

– Я люблю тебя.

– Я знаю и это, – буднично говорит он.

Я уже собираюсь высказаться по этому поводу, когда вижу, что стеклянная дверь полицейского участка открывается и из нее выходит девушка со знакомыми мне темными кудрявыми волосами. Она оглядывается, словно ища глазами что-то. Или кого-то.

– О, по-моему, она ищет меня. Мне надо идти, – поспешно говорю я.

– Давай. Перезвони мне позже.

– Да, перезвоню, – обещаю ему и отключаюсь, чтобы выйти из машины и помахать Гэбби.

При виде меня на ее лице отражается облегчение, если не радость. Она делает мне знак присоединиться к ней и вместе зайти в участок. Менее десяти минут назад она попросила меня оставить ее там одну. Но это было десять минут назад.

– Слава богу, я думала, что ты, возможно, уже уехала, – говорит она, когда я поднимаюсь по ступенькам крыльца.

– Почему? В чем дело? – спрашиваю я.

– Мне отказываются что-то сообщить. – Она делает паузу. – Потому что я не... ну, ты понимаешь... не член семьи.

Пытаюсь удержаться от иронической ухмылки.

– И что я, по-твоему, должна с этим сделать? – спрашиваю я, сделав вид, будто понятия не имею, что она имеет в виду.

– Детектив, занимающийся старыми нераскрытыми делами, сказал, что он будет говорить только с «заинтересованным лицом». А заинтересованное лицо – это *ты*, – сообщает она.

Ха! Заинтересованное лицо – это еще мягко сказано. Для детектива Мигеля Альвареса я была занозой в заднице уже, можно сказать, два десятка лет.

Она, вероятно, надеется, что я просто кивну и последую за ней внутрь. Но я не могу удержаться от того, чтобы помотать ей нервы. Хотя бы немного.

– Извини, но разве ты не сказала мне, что ты *не нуждаешься* в том, чтобы я пошла туда с тобой? Что, будучи журналисткой, ты можешь сама разговаривать «с источниками» и я буду только мешать тебе?

Вообще-то я ожидаю, что ее реакция принесет мне некоторое удовольствие, но, когда она закатывает глаза, у меня возникает обескураживающее ощущение, будто я вижу свое собственное выражение – но на ее лице. И это кажется мне немного жутковатым.

– Послушай, Исабель, прости, что я... говорила с тобой... ну, ты понимаешь... немного снисходительно. Просто я чувствую себя немного не в своей тарелке, ты можешь меня понять? Я была бы тебе очень благодарна, если бы ты смогла мне помочь.

Стараюсь не обращать внимания на странность всего этого – и на ее беспокойство – и, покачивая головой, протягиваю руку, чтобы открыть дверь из тонированного стекла.

– Хорошо. Как скажешь.

– Да, – говорит она и заходит в участок вслед за мной. – Детектив вон за той стойкой. И... О-ох!

Когда я резко останавливаюсь, она врывается мне в спину.

– Прости... – бормочу я, глядя на малого за стойкой, стучащего по клавиатуре компьютера. – А где Альварес? – спрашиваю ее, оглянувшись через плечо.

– Кто?

– Мигель Альварес. Детектив, который занимается этим делом...

Она выглядит растерянной.

– Мигель Альварес? Извини, я не знаю, кто это. Парень за стойкой и есть тот полицейский, с которым я разговаривала. Это он сказал, что мне нужно привести с собой заинтересованное лицо. Я уверена, что он занимается этим делом...

– Черта с два, – бормочу я, глядя на знакомую стойку и на незнакомого мне копа, стоящего за ней.

Едва я делаю шаг вперед, как Гэбби вцепляется мне в предплечье.

– Он думает, что меня зовут Люси Мак, – шепчет она.

– Что? Почему ты не сказала ему правду? О тесте ДНК и о том, почему ты здесь?

Она смущенно пожимает плечами:

– Не знаю. Просто в этом парне есть что-то... немного выбивающее из колеи. Я не могу этого объяснить, но мне просто некомфортно было называть ему мое настоящее имя. Во всяком случае, пока.

Класс, она считает себя чем-то вроде супергероя, занимающегося выяснением фактов. Современным Шерлоком Холмсом. Но вместо увеличительного стекла использует онлайн-программу *Spellcheck* и браузер *Google*.

Решительно подхожу к стойке, ведомая досадой на нее и моим подозрением в отношении этого малого. Оказавшись напротив него – напротив полицейского, который *точно* не является Мигелем Альваресом, – вперяю в него пристальный взгляд и удерживаю, пока он не даст себе труд поднять глаза. Однако первым делом он сосредоточивает внимание на моей спутнице, стоящей за моей спиной.

– Ага, вы вернулись, мисс Мак, – безо всякого выражения говорит он. Видно, что он совсем не рад тому, что она снова явилась к нему. – О, и вы привели с собой вашу подругу, – замечает он с изрядной дозой сарказма.

– Детектив Ранья, это Исабель Руис. Она была... она сестра Марианы Руис.

– Извините, но нам надо встретиться с детективом Мигелем Альваресом, – твердо говорю я прежде, чем перейти к любезностям.

– Нет.

– Извините, что?.. Как это – нет? – переспрашиваю я, полагая, что либо не расслышала его, либо неправильно поняла.

– Я сказал именно то, что имел в виду, – нет. Мне жаль, но это невозможно. Детектива Альвареса тут нет. Два года назад он вышел в отставку. Я детектив Давид Ранья и работаю в этой должности с тех самых пор, как он ушел на покой.

– Погодите, что? – Я восклицаю это так громко, что люди вокруг нас обрывают свои разговоры и смотрят в нашу сторону. – Мигель Альварес *ушел в отставку*? Не может быть – он ничего мне об этом не говорил... – Мой голос пресекается, когда до меня доходит, как нелепо это, должно быть, звучит для других.

– Вы... знали его? – спрашивает Ранья и теперь уже глядит на меня с любопытством.

– В каком-то смысле да. Я хочу сказать, что он был тем человеком, который все эти годы держал меня в курсе расследования этого дела. Просто я... Я удивлена, что он не дал мне знать, что больше не будет заниматься этим делом. Мы с ним давно не виделись...

– Понятно. – Видно, что колесики в голове Ранья начинают крутиться. – Хорошо, мисс Руис. Думаю, мне надо вас предостеречь: это не очень-то хорошая идея – давать представителю прессы доступ к информации, которую я могу вам раскрыть. Предупреждаю, что ее немного, поскольку следствие по этому делу все еще считается незаконченным.

– Незаконченным? – Я не могу скрыть скепсиса. – Вы это серьезно? Вы сказали, что оно *еще* не закрыто? Но, насколько мне известно, копы не ударили палец о палец за все последние – о, не знаю, – за последние пятнадцать лет! Знаете, что я помню? Фоторобот моей сестры, то, как она, по идее, могла бы выглядеть спустя десять лет после исчезновения.

Коп не отвечает, но, похоже, от его внимания не укрывается, что другие люди в вестибюле смотрят на нас с любопытством. Он прочищает горло и понижает голос.

– Дамы, почему бы вам не пройти в мой офис?

Не дожидаясь ответа, он поворачивается и идет прочь, предоставив нам обеим торопливо следовать за ним, пытаясь не отставать. Он проходит в дверь с биометрической системой безопасности и двигается по длинному коридору, который заканчивается большой комнатой, разделенной на несколько закрытых кабинок. Хотя закуток детектива Ранья находится в углу, в нем нет окна, так что тут довольно темно.

Когда он, по его словам, занял эту должность? Год назад? Два года? Впечатление такое, будто это произошло только что. Стены голые, а рабочий стол загроможден стопками папок-скоросшивателей. На полу стоят белые картонные коробки для архивных документов, на которых, насколько я могу понять, значатся номера дел. Присесть можно только на два складных металлических стула, которые мы с Гэбби и занимаем. Ранья закрывает за нами дверь, наклоняется, поднимает одну из коробок и ставит ее на свой стол. На коробке надпись: Р-22583 РУИС, М.

Когда Гэбби достает телефон, чтобы сфотографировать коробку, детектив смотрит на нее, нахмутив брови.

– Нет, прошу вас. Никаких фотографий.

– Извините, – бормочет она и вскидывает руки, словно показывая, что сдается, затем кладет телефон себе на колени.

Коп снимает с коробки крышку и достает из нее большую папку-скоросшиватель, затем возвращает крышку на место и кладет на нее папку.

– Я изучал эти материалы, – говорит он. Затем добавляет, обращаясь ко мне: – И что бы вы там ни думали, мисс Руис, я уверен, что детектив Альварес сделал все, что было в его силах, расследуя обстоятельства исчезновения вашей сестры. Он исследовал каждую зацепку,

внимательно изучил все доказательства. Он опросил десятки жителей Ла Перлы, а также туристов, которые были там в тот день. Он был скрупулезен, и я не верю, что он что-то упустил.

Несколько долгих секунд я смотрю ему в глаза, ища что-то в них, хотя не вполне понимаю, что именно, – и он отвечает тем же. Он думает, что я что-то знаю, и это наводит меня на мысль о том, что *он сам* что-то знает.

– Хорошо, итак... возможно, для начала вы расскажете нам, что стало известно, когда был допрошен отец девочки... отец Исабель? – спрашивает Гэбби, что заставляет Ранью и меня перестать пялиться друг на друга.

– Э-э-э, ну... Ясно, что он был очень... расстроен, и было трудно получить от него сколько-нибудь значимую информацию. Мы знаем, что он находился в баре вместе с маленькой Марианой, которую привез туда в прогулочной коляске. Нам также сообщили, что он столкнулся с выбивателем долгов, работающим на местного авторитета. Но мистер Руис, когда все произошло, находился в состоянии сильного алкогольного опьянения, и он не мог ничего вспомнить ни о своем общении с этим человеком, ни о том, как он очутился без сознания в переулке на задворках бара «Эль гальо рохо». Он помнил только, что пришел в себя жестоко избитый и что его маленькая дочка исчезла. Тогда местные жители и организовали свои собственные поиски.

Я слышала об этих поисках. Они были не из тех, на которые полиция дала бы добро, – крепкие парни выламывали двери, разбивали окна, а возможных подозреваемых жестко допросили. Полиция была оповещена только *после* того, как вся Ла Перла была прочесана, дом за домом, в поисках моей пропавшей сестры.

– И что же, никакие из этих опросов – я имею в виду опросы местных жителей мистером Альваресом – так и не дали никаких реальных зацепок? – Еще один хороший вопрос от Гэбби.

Ну что ж, возможно, она и впрямь не так уж плохо справится с ролью Шерлока Холмса. Она задает те же вопросы, которые задавала бы и я, если б продолжала искать Мариану. Но я ее больше не ищу. В этом нет нужды. Она сидит здесь, рядом со мной. Правда, Ранья этого не знает.

Он качает головой.

– В баре было достаточно свидетелей, чтобы подтвердить большую часть того, что делал Альберто, пока находился там, но никто из них не видел ничего такого, что могло бы оказаться полезным.

– Я читала, что прогулочная коляска была обнаружена в мусорном баке, – замечает Гэбби. – На ней нашли какие-то следы, пригодные для криминалистической экспертизы?

– Давайте просто скажем, что наши криминалистические возможности были в то время... ограничены. Так что нет. Мы сняли с коляски отпечатки пальцев, но оказалось, что все они принадлежали отцу девочки. Вашему отцу, – повторяет он уже для меня.

– И...

– И это все, что я могу вам сообщить, – говорит он, прежде чем моя сестра успевает задать еще один вопрос.

– А как насчет носочка?

Я не планировала спрашивать, но в моей голове просто всплыла картинка, и вопрос вырвался сам собой.

Они оба поворачиваются ко мне. На лице копа написано раздражение, на ее – недоумение.

– Носочек? – спрашивает она. – Какой носочек?

Полицейский явно недоволен тем, что я задала этот вопрос, но все равно сует в коробку руку и достает из нее прозрачный пакетик. Мы с Гэбби подаемся вперед, пытаясь разглядеть его получше. Теперь, когда я снова вижу этот одинокий розовый носочек, впервые за много лет, он кажется мне невероятно крошечным. Внезапно на меня обрушивается лавина образов

и эмоций – мешанина из чувств, запахов, вкусов, которая возвращает меня в то далекое время. В то время, когда я сначала была вне себя от радости... а затем убита горем. И в центре всего этого оказалась прелестная маленькая девочка, неразрывно связанная с самым худшим днем в моей жизни. Но надо отметить, что это был не тот день, когда ее забрали у нас. Это был тот день, когда она появилась... тот день, когда судьба забрала у нас *мою мать*.

Я ловлю себя на том, что протягиваю руку к прозрачному пакетику. Мне хочется дотронуться до этого носочка, как будто таким образом получится воскресить мое детство, прикоснувшись к нему сквозь тонкий пластик, защищающий эту крошечную вещицу. Но Ранья отводит пакетик в сторону, прежде чем мои пальцы успевают коснуться его.

– Мне жаль, мисс Руис, но я не могу позволить, чтобы на пакете с вещественным доказательством оказались отпечатки ваших пальцев, – говорит он.

Ничего ему не жаль. Он просто придурок.

Отдергиваю руку, будто обожгла ее.

– Да, конечно. Извините, – бормочу я.

Но я вовсе не чувствую себя виноватой. Я раздражена.

– Это действительно все, чем я могу поделиться с вами, что я могу вам сообщить. Разумеется, если нам станет известно что-то новое... – Он замолкает, не докончив фразы, и хмурит брови, увидев что-то на лице Гэбби.

Я поворачиваю голову к ней.

Она побелела как мел и смотрит на розовый носочек так, будто это тарантул, выползший на стол, чтобы погреться на солнце.

– Что-то не так, мисс Мак? – спрашивает детектив, и я не могу не заметить, что в его вопросе звучит не участие, а любопытство. Он явно считает, что ее реакция – это своего рода зацепка, хотя я понятия не имею, к чему, по его мнению, эта зацепка может привести.

– Ты в порядке? – шепчу я.

Она отводит от розового носочка странно пристальный взгляд и поворачивается ко мне.

– Мне бы хотелось уйти... – Ее голос звучит тихо и дрожит.

– Мисс Мак? В этом носке есть что-то такое, о чем вы бы хотели сообщить мне? – спрашивает Ранья, поднимая пакетик.

Гэбби уже встала со своего стула и качает головой:

– Нет. Нет, спасибо, детектив... – бросает она через плечо.

Мы смотрим, как она огибает кабинки с рабочими местами других полицейских и выходит в коридор, ведущий к входной двери. Затем Ранья поворачивается и с подозрением смотрит на меня.

– Кто она? – тихо спрашивает он. – Я имею в виду, кто она для вас?

Пожимаю плечами и поворачиваюсь, чтобы поглядеть на него.

– Просто журналистка, – невозмутимо отвечаю я.

Когда он обращается ко мне снова, в его тоне слышится что-то вроде вызова.

– Знаете, мисс Руис, я изучил это дело досконально и не могу припомнить, чтобы вы когда-либо давали интервью. Ни телевидению, ни газетам – и уж точно не какому-то модному глянцево-му журналу. Тогда почему вы общаетесь с этой женщиной? И почему именно теперь?

Когда я отвечаю ему, в моем тоне звучит еще больший вызов.

– Из нас двоих детективом являетесь вы, а не я. Вот и выясните это.

Я иду прочь. И ощущаю на своей спине его взгляд до того самого момента, когда выхожу в коридор и оказываюсь вне его поля зрения.

Выйдя из участка, я вижу, что Гэбби сидит на бетонных ступеньках крыльца, уронив голову на руки. Сажусь рядом с ней, и наши руки выше локтей соприкасаются.

– В чем дело? – тихо спрашиваю ее.

Когда она поднимает голову, ее лицо покрыто красными пятнами и мокро от слез.

– Этот носочек...

Я киваю в знак того, что понимаю ее.

– Да, знаю, он такой... крошечный. В нем есть что-то такое... Я бы очень расстроилась, если б какой-нибудь идиот поместил его фотографию на первую полосу газеты...

– Нет, ты не понимаешь, – сдавленно произносит она, и из ее глаз, похожих на океан, льется новый поток слез.

Я чувствую, как у меня сжимается желудок за секунду до того, как она говорит это.

– Второй такой носочек находится у меня дома.

Глава 12

Гэбби

Наши дни

– Еще? – Исабель держит в руке бутылку вина.

Бросаю взгляд на свой бокал, который в какой-то момент успел опустеть. Киваю и протягиваю ей:

– Да, пожалуйста.

– Ты чувствуешь себя лучше? – осторожно спрашивает она, как будто я могу вот-вот снова разразиться слезами.

Не сомневаюсь, что мой нервный срыв на ступеньках крыльца полицейского участка напугал ее. Он и меня напугал настолько, что сегодня вечером я не хотела оставаться одна. Поэтому, когда Исабель пригласила меня к себе на ужин, я сразу приняла приглашение. И правильно сделала. Я понимаю это, сидя в гостиной их крохотного бунгало. Оно выкрашено в бледно-голубой цвет, перед ним малюсенькая лужайка, и чуть в стороне растет большая пальма, окруженная каким-то пышным кустарником с восково-зелеными листьями с темно-розовой каймой.

Пол в бунгало выстлан огромными терракотовыми плитами, на сиденьях плетеных стульев лежат декоративные подушки с цветочным узором, и в каждой из комнат гудит потолочный вентилятор. Домик очень скромный, но здесь красиво и уютно – по сравнению с ним моя бруклинская квартира выглядит холодной и пустой. Благодаря открытой планировке я вижу, как Матео хлопочет на кухне – шинкует, мешает, варит, жарит. Понятия не имею, что он готовит, но пахнет восхитительно!

– Да, я чувствую себя лучше, – заверяю ее и обвожу пространство взмахом руки. – У тебя чудесный дом.

Она слегка улыбается.

– Ну, у нас нет консьержа, нет прислуги и нет вида на океан.

– Как и частного пляжа, – добавляет Матео и выходит из кухни, чтобы поставить блюда на стол. – Или ресторана с мишленовской звездой...

– Ясно, я вас поняла. Вы считаете, что мой отель «Ла плайя бланка» – это немного чересчур.

– О, мы просто поддразниваем тебя, – добродушно говорит Матео. – Давай, Исабель, садись. Давайте сначала поедим, и вы сможете разобраться во всем этом вместе.

Мы с Исабель переглядываемся. В мои планы совершенно точно не входило разбираться в этом «вместе с ней». Но теперь мои планы, которые с самого начала были шаткими, вообще полетели в тартарары.

Я сижу в кресле, украдкой поглядывая на Исабель, пока она вместе с Матео ставит на стол последние блюда. Ее лицо немного длиннее моего – оно овальное, а мое скорее имеет форму сердечка. Под ее челкой скрывается лоб, похожий на мой собственный, а изгиб ее...

Резко останавливаю себя, опустив взгляд на свои колени и теребя салфетку, которую положила на них. Да что я вообще пытаюсь найти? Сходство между ней и мной? Такого сходства нет. Его не может быть, поскольку мы с ней не родственницы. Даже если и так, то мы можем быть только троюродными или четвероюродными сестрами.

Но этот носочек... Нет ни одной убедительной причины, по которой он мог бы оказаться у моих родителей. Ни одной. Я могла бы возразить самой себе, что миллионы младенцев носят одинаковые розовые носочки, но я этого не делаю. Потому что часть меня знает, что тот носочек

чек, что остался у меня дома, и тот, который находится в пакетике для вещдоков, составляют пару.

– Надеюсь, тебе понравится *arroz con pollo*²⁵, – говорит Матео, прервав поток моих мыслей.

– М-м-м! – соглашаюсь я с улыбкой, глядя на стол. Помимо *arroz con pollo* на нем салат с авокадо и маринованным сладким красным перцем, хрустящий хлеб и...

– Можно спросить, что это такое? – С любопытством показываю на блюдо, на котором выложено что-то похожее на крупные бананы, плоско раскатанные и поджаренные на сковороде.

– Это *tostones*, – говорит Исабель, усаживаясь напротив меня. – Жареные зеленые овощные бананы. Они очень вкусные. Давай попробуй. – Она кладет порцию мне на тарелку.

Отрезаю маленький кусочек и кладу в рот. Оказывается, это и впрямь очень вкусно. И совсем не похоже на обычный банан. Эти штуки поджарены до хрустящей корочки, с крупинками соли, а внутри нежная мякоть.

– М-м-м... здорово, – бормочу я.

– Надо будет приготовить тебе *platanos maduras*²⁶, – с многозначительной улыбкой говорит Матео. – Мы берем такие бананы, у которых кожа уже почернела. Разрезаем их вдоль и поджариваем на сковороде. Получается сладко и очень вкусно! – Он поглаживает живот, чтобы подчеркнуть, насколько это вкусно.

Мне нравится Матео. Он высок и худ, с темными волосами, немного длинноватыми, и в очках в черепаховой оправе. С Исабель он общается непринужденно – сразу видно, что они живут вместе уже давно. У меня создалось впечатление, что она за Матео как за каменной стеной и уже много лет полагается на него во всем.

У меня начинают течь слюнки, когда я вдруг остро осознаю, что, когда перекусывала в последний раз, это был протеиновый батончик, которым я подкрепилась в аэропорту.

– Бог ты мой, я и не припомню, когда ела... так по-домашнему, – говорю, уплетая курицу с рисом.

– Выходит, сама ты не готовишь? – спрашивает Исабель, и я радуюсь тому, что она заговорила на нейтральную тему.

– Почти нет. Мне хватает большой миски хлопьев «Чириос» и банана, – отвечаю я.

Матео хихикает, и Исабель сердито смотрит на него.

– Ну, кулинарный репертуар Исабель ограничивается примерно тем же. Хотя она чаще использует рисовые «Райс чекс», – поясняет он, и жена шлепает его по груди.

– По-моему, вполне приемлемый выбор, – замечаю я, кивнув ей. – Самой мне нравится вымачивать хлопья в молоке...

– Пока они не размякнут, – доканчивает за меня Исабель. – Пока не становятся как подушки.

– Точно, – соглашаюсь я и накалываю на вилку салат. Подняв взгляд снова, я замечаю, что Матео смотрит на нас с интересом. – Все в порядке? – спрашиваю я.

Он качает головой – не столько в знак несогласия, сколько затем, чтобы высказать мысль, пришедшую ему на ум.

– Да я просто... Вы обе...

Исабель смотрит на него.

– Что? Мы обе что?

Он пожимает плечами:

– Не знаю, просто вы... Вы похожи.

²⁵ Рис с курицей (исп.).

²⁶ Спелые бананы.

Мы устремляем в него взгляды, затем смотрим друг на друга, затем снова на него.

– Что? Это потому, что нам обоим нравятся готовые хлопья? – вопрошает Исабель.

– Да. То есть нет. Ну, не только поэтому. Просто между вами есть что-то такое... Какая-то непринужденность – я не могу описать это лучше.

Мы опять переглядываемся через стол. Мне хочется сказать, что ее муж принимает желаемое за действительное. Исабель отчаянно хочет, чтобы я оказалась ее сестрой Марианой, а Матео так же отчаянно хочет, чтобы Исабель чувствовала себя счастливой. Так что я понимаю, что он пытается сказать. Хотя временами между мною и Исабель и возникает некоторая неловкость, в целом мы, кажется, понимаем друг друга. Но я могла бы сказать то же самое и о любой другой женщине, с которой общалась.

– Непринужденность? Я не очень-то понимаю, что ты имеешь в виду, Матео, – говорю ему, а потом обращаюсь к Исабель: – Я ценю то, что ты согласилась сделать тест. И я благодарна тебе за то, что ты прикрывала меня, когда мы беседовали с этим детективом Раньей.

Она смотрит на меня несколько долгих секунд, прежде чем ответить.

– Гэбби, я готова представить тебе все доказательства, какие только могу, лишь бы ты поверила правде.

– Мы не знаем, какова эта правда, – замечаю я. – Во всяком случае, пока.

– Я уже знаю, какова она, – невозмутимо отвечает Исабель уже не в первый раз.

Делаю долгий глубокий вдох, стараясь придать лицу бесстрастное выражение.

– Ну, думаю, мы это скоро узнаем.

– Стало быть, Гэбби, как мне сказала Исабель, ты живешь в Бруклине... – Матео пытается повернуть разговор в другое русло, но его жена не настолько дипломатична.

– Ну и как ты можешь объяснить этот носок? – спрашивает она, оборвав его.

Мгновение я молчу.

– Я не могу дать этому объяснений. Ты сказала, что у тебя не осталось сомнений после того, как ты увидела меня, да? Ну а у меня самой не было сомнений, *пока* я не увидела этот носок в пакете для вещдоков. Я была на все сто процентов уверена, что с этим тестом ДНК произошла ошибка, – уверена до той секунды, когда...

– Ага! – объявляет она, торжествуя кивнув и со звоном хлопнув рукой по столу.

– *Однако*, – упрямо продолжаю я, – это не истина в последней инстанции. Я думала об этом. Тысячи, а может, и сотни тысяч маленьких детишек носят точно такие же розовые носочки. Мне надо сравнить эти два носочка, чтобы удостовериться, составляют ли они пару. И даже в этом случае... Как бы то ни было, я по-прежнему на девяносто восемь процентов уверена, что мы с тобой не сестры.

– Ты это серьезно? – ворчит она и закатывает глаза, явно раздосадованная тем, что я с ней не согласна. Когда Матео дотрагивается до ее предплечья, она стряхивает с себя его руку с таким грозным видом, что он вскидывает обе руки в знак того, что сдается. – Если бы дело было *только* в тесте ДНК или *только* в этом втором носке, я могла бы это понять. Но и то и другое вместе? – Она с вызовом трясет головой, так что ее длинные мелированные волосы мотаются из стороны в сторону. – Нет. Это невозможно.

Я чувствую, как у меня учащается пульс и повышается давление. Боже мой, как же эта женщина упряма! Она не желает даже рассмотреть возможность того, что она может ошибаться.

– Невозможно что? Ты не можешь указывать мне, что я должна думать по этому поводу, – говорю я, проиграв битву за то, чтобы сохранять невозмутимый вид. – Я взрослая женщина. Я могу рассмотреть доказательства и принять решение сама, и мне не нужны для этого советчики. Полно, дай мне такую возможность, хорошо? Все это возникло из ниоткуда. Из ниоткуда! – подчеркиваю я. – Я просто чувствовала себя одинокой, это понятно? И искала какую-

нибудь дальнюю родню. Я никогда не предполагала... – Машу рукой, показывая на нее и на себя саму. – Я никогда не предполагала такого, чем бы это ни было.

На ее щеках выступают красные пятна.

– В самом деле? Что ж, я не понимаю, как ты вообще *можешь* этого не видеть. Господи Иисусе, какие еще доказательства тебе нужны?

– Мне необходимо их больше! – огрызаюсь я. – Больше! Ведь ты говоришь о моих родителях...

– Они *не были* твоими родителями, – со злостью говорит она таким голосом, что я замираю. – Они были твоими похитителями.

Внезапно я чувствую себя так, будто из моих легких выкачали весь воздух. Смотрю на нее, широко раскрыв глаза, не в силах даже дышать, не то что говорить.

– Все, все, довольно. Думаю, на этом хватит, Исабель, – вмешивается Матео, говоря спокойно, но твердо. Затем поворачивается ко мне: – Гэбби, моя жена пытается сказать тебе – хотя и не так, как надо бы, – что ей ясно: между вами двумя существует какая-то связь. Ей отчаянно хочется, чтобы ты оказалась ее сестрой, которую она потеряла. – Он многозначительно смотрит на нее. – Но она отлично понимает, что это может быть не так. И она очень благодарна за то, что ты прилетела в такую даль, чтобы встретиться с ней и попытаться прояснить этот вопрос. Так. Или. Иначе.

Его последние слова определенно адресованы его жене. И она понимает это.

Исабель выпускает долгий вздох и кивает. Я пытаюсь заговорить, но она вскидывает ладонь, делая мне знак замолчать.

– Э-э-э... Я искала Мариану двадцать пять лет, причем даже не зная, жива она или нет. И, когда ты появилась на сайте «ГенТим», я не могла поверить своим глазам. Я имею в виду, что после всех этих лет оказалось, что ты – что она, – возможно, жива и здорова и живет в Нью-Йорке! – Она замолкает и подается ко мне через стол. – Послушай, я не знаю, как ты стала Габриэлой Ди Марко, но до того, как ты превратилась в нее, ты была моей сестрой. Ты была Марианой Руис. И я готова поклясться в этом своей жизнью.

К тому моменту, когда она кончает говорить, ее голос пресекается и из глаз начинают течь слезы. Она раздраженно смахивает их, глядя в потолок и мотая головой. И теперь я вижу это – вижу, что она злится не на меня. И даже не на моих покойных родителей. Исабель злится на Бога, на Вселенную, на ту «высшую силу», в которую она верит, за то, что та устроила ей такую подлянку. И действительно, кто бы мог винить ее, если учесть все, что случилось?

Мне впервые приходит в голову, что я понятия не имею, что произошло с ней после того, как ее сестра пропала. Сколько лет ей тогда было? Пять? Кто заботился о *ней*? Кто любил *ее*? Какова была семья, в которой она выросла? И как она выдержала это – жизнь в мрачной тени исчезновения ее сестры?

– Исабель, – начинаю я, уже мягче. – Я не знаю, что мне теперь думать о моих родителях... или об этом носочке. – Произношу это тихо, спокойно. – Но если бы то, что ты говоришь, было правдой, мне пришлось бы поверить, что Мак и Люси могли – что они *буквально могли*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.